

Ирина
ИЗМАЙЛОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТРОЯНЦЕВ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Ирина Измайлова

Возвращение троянцев

«ВЕЧЕ»

2017

Измайлова И. А.

Возвращение троянцев / И. А. Измайлова — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-444-49158-4

Молодой русский историк, случайно став обладателем подлинных записок одного из участников Троянской войны, изучает древние свитки, повествующие о Гекторе и Ахилле. Вынужденные на время покинуть разрушенную Трою, бесстрашные герои упрямо стремятся вернуться в этот город, веря, что сумеют возродить его. На пути к цели им встретится множество врагов, в том числе армия могучих злобных лестригонов и коварная колдунья Цирцея, от козней которой поможет спастись небезызвестный Одиссей, но приключения не закончатся даже после путешествия. На свете еще хватает негодяев, которые не хотят восстановления прежней, великой, Трои, поэтому борьба за город продолжается, несмотря на то что Троянская война завершилась пять лет назад.

ISBN 978-5-444-49158-4

© Измайлова И. А., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть. Лестригоны	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	64
Часть. Последний остров	68
Глава 1	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ирина Александровна Измайлова

Возвращение троянцев

© Измайлова И.А., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Часть. Лестригоны

Глава 1

Корабль шел со свернутым парусом, на веслах, потому что ветра не было, море было почти совершенно ровным, лишь еле заметные волны, скорее похожие на рябь, нарушали серебристую невозмутимость его глади. Корабль не плыл, а как бы скользил по ровной поверхности.

Это было большое, красивое судно, ладно сработанное из хорошей кедровой древесины, с высоким носом, выгнутым над волнами и завершенным широким резным венцом – символом полураскрытого лотоса. Над его бортами возвышались скамейки гребцов, и длинные пальмовые весла ровно и легко взмахивали, повинувшись черным мускулистым рукам.

Гребцы-нубийцы не прилагали больших усилий, преодолевая толчки легких волн. Египетский корабль был выстроен по новой конструкции и, наряду с возвышениями для гребцов, имел дощатый настил посередине и не один, а два помоста – традиционный широкий на корме и небольшой в носовой части. Над задним белел балдахин, расшитый золотом и увешанный по бокам гирляндами ароматических трав. На переднем, небольшом, дежурил один из мореходов: ему надлежало подать сигнал, как только покажется берег. Выше всего поднималась корма, где стоял рулевой, спокойно, почти равнодушно перемещая то чуть вправо, то чуть влево громадное весло. Ниже, на настиле, вдоль скамеек гребцов, сидели воины-египтяне, которым в пути нередко приходилось менять на веслах уставших нубийцев, но сейчас они бездельничали, грызя финики и от нечего делать бросаясь друг в друга косточками.

Под балдахином, на кормовом помосте, находились трое, причем самой заметной среди них фигурой был огромный раб-нубиец в ярко-желтой набедренной повязке и таком же платке на курчавых волосах. Щиколотки его босых ног украшали толстые медные браслеты, и по пять-шесть таких же браслетов было на каждой руке великана, от плеча до запястья. Медное с бирюзой ожерелье и серьги, каждая размером с небольшую тарелку, дополняли это варварское великолепие. Нубиец стоял прямо и неподвижно, держа в обеих руках опахало со страусовыми перьями, которым он плавно взмахивал над спинкой высокого кресла, украшенного слоновой костью. Там сидел человек в богатой египетской одежде, с золотыми серьгами в ушах и небольшим золотым скарабеем на груди. Этого скарабея он время от времени вертел пальцами и слегка подкидывал на ладони, в то время как его глаза были неотрывно устремлены на берег, который все яснее вырисовывался впереди. То был не кто иной, как начальник охраны фараона Сети. За прошедшие три года он мало изменился, только среди коротких густых волос появились белые искры.

Рядом с креслом стоял молодой человек лет двадцати пяти, помощник Сети Караф. На нем была только белая набедренная повязка, длинная, словно юбка, – она доходила ему до колен. Широкий пояс и сандалии из тонкой тисненой кожи и золотое с эмалью ожерелье дополняли этот наряд, выдавая привычку юноши к некоторой роскоши.

Сигнал о том, что берег приближается, уже был подан, и теперь все трое с напряжением всматривались в изломанную темную линию, которая все яснее и яснее прорисовывалась на горизонте.

– К полудню мы будем у берега, господин! – произнес Караф, щурясь, потому что солнце поднималось выше и выше, море сверкало нестерпимо, и у людей начали слезиться глаза.

– Это я сам вижу, – с некоторым напряжением отозвался Сети. – Вопрос в том, тот ли это берег, что нам нужен, не сбились ли мы с пути?

– Нет! – твердо возразил молодой человек. – Я говорил с кормчим. Он уверен, что мы идем правильно, если только изначально не лжет карта, а звезды прошедшими ночами не поменяли своего положения на небе.

– Карта вполне может быть неточна, – покачал головой начальник охраны фараона. – Звезды надежнее, хотя в этих местах они и находятся вовсе не там, где мы привыкли. Но наш кормчий плавает здесь не впервые, понадеемся на него. А виден ли по-прежнему наш второй корабль? Спроси-ка дозорного, Караф!

– Зачем спрашивать дозорного, если и я отлично этот корабль вижу! – вдруг вмешался в разговор раб-нубиец – его густой и низкий голос услышали, казалось, все на судне. – Куда он денется, корабль этот, когда на море так спокойно? Во-о-он он темнеет на горизонте – раб вытянул руку, указывая направление, при этом продолжая другой рукой мерно раскачивать опухало. Мне с моего роста еще виднее, чем дозорному с возвышения.

Сети усмехнулся, искоса глянув на великана и не меняя своего положения в кресле.

– Тебя послушать, Нума, так ты выше любой пальмы! Хорошо: видно, так видно.

– Приказать гребцам замедлить ход и подождать второй корабль? – спросил Караф.

– Ни в коем случае! – голос начальника охраны прозвучал резко. – Мы пристанем первыми и задолго до них...

Спустя час берег обозначился совсем ясно, и стали видны очертания громадной бухты, похожей на сильно согнутый лук, разделенной пополам длинной темной косой. Еще немного, и бухта развернулась перед египетским судном во всю ширину. Если в море волны были хотя бы чуть-чуть заметны, то здесь, между пологим склоном и галечным пляжем южной оконечности, и скалистым мысом северной части бухты, вода походила на драгоценную восточную ткань – блестящая, серебристо-голубая, она сияла, точно расшитая солнечными искрами, и была так прозрачна, что даже на большой глубине сквозь нее просвечивало дно, заросшее таинственным лесом водорослей. Медузы, как перевернутые стеклянные чашки, качались меж этими зарослями и поверхностью, тоже похожей на стекло, но такое, какое не изготовить и самому великому стеклодуву – идеально гладкое и совершенно плоское.

Теперь стало видно, что разделяющая бухту надвое коса – не что иное, как искусственная насыпь, состоящая из крупных камней, связанных песчаным раствором и укрепленная вбитыми в дно мощными смолеными бревнами. Было заметно, что недавно края насыпи подновили, заменив выпавшие камни новыми, очистив бревна от ракушек и водорослей. В конце насыпи был устроен клинообразный каменный волнорез, а над ним поднималась на шестьдесят локтей узкая башня с верхней площадкой, укрытой навесом. Башня казалась новенькой: ее стены краснели недавно обожженными кирпичами, а кровля навеса сверкала огнем – она была медная, и медь не успела потемнеть. В том, что это маяк, не могло быть сомнений.

Ближе к берегу, вдоль насыпи и у береговой черты, стояло не меньше двух десятков кораблей. Однако вблизи стало видно, что лишь пять из них снабжены парусами и веслами – остальные же более или менее недостроены. Два корабельных остова, подобно ребрам гигантских рыб, топорщились на берегу.

По насыпи и по берегу двигались человеческие фигуры. Не менее полутора сотен. Одеты большей частью в короткие туники или в набедренные повязки, эти люди были заняты работой – видно было, как они хлопчут возле недостроенных кораблей: кто подносил доски, кто набивал медные листы на носовые выступы, кто смолил борта, кто тащил ведра с дымящейся смолой.

Впрочем, по мере того как египетский корабль приближался, некоторые отвлекались от работы и принимались рассматривать гостей, видимо, обсуждая, кто это плывет к их берегу и чего ради... Однако ни особого волнения, ни тем более смятения заметно не было – многие занимались своим делом, лишь чаще обычного бросая взгляды на море.

– Пристаем? – крикнул кормчий египетского корабля.

– Да! – отозвался Сети. – Правь на маяк и во-он в то свободное пространство возле причала. Далеко в глубь бухты заходить не будем.

Когда до волнореза оставалось не более сотни локтей, Сети заметил на фоне кирпичной башни маяка фигуру человека, подошедшего сюда с берега и явно здесь распорядившегося. По его знаку двое людей побежали по насыпи к берегу, еще двое или трое взобрались с недостроенных кораблей на волнорез и стали позади начальника. Сам он был одет не так просто, как остальные – в темный, до колен, хитон, подхваченный поясом, и сандалии с высокой шнуровкой. Он стоял, спокойно скрестив руки, и смотрел на приближающийся корабль.

– Мы плывем к вам с миром! – крикнул Сети на критском наречии, которое стал учить не так давно и знал плохо. Однако он был уверен, что его едва ли поймут, заговори он по-египетски или по-финикийски.

– Если с миром, то мы вам рады! – крикнул человек, делая еще шаг вперед, к самой кромке насыпи. – А к кому, к нам? Вы знаете, куда пристааете?

– Если нас не обманули звезды и карты наших мореходов, то это берега Трояды, и наш корабль вошел сейчас в Троянскую бухту, – ответил Сети. – Я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Корабль у вас египетский. Вы из Египта?

– Да. Можно ли нам пристать?

Человек в хитоне пожал плечами.

– Смешно было бы сказать «нет»! Приставайте скорее, не то я уже устал орать во всю глотку.

Судно развернулось левым бортом к причалу, и гребцы с этого борта дружно подняли весла¹. Теперь египтяне оказались совсем близко от причала, и Сети смог рассмотреть как следует того, с кем говорил. Это был мужчина лет сорока пяти, коренастый, но не тяжелый, на вид не могучий, но довольно крепкий и мускулистый, с необычайно интересным лицом: живое и подвижное, насмешливое, умное, оно казалось бы веселым, не будь при этом глубокие темные глаза такими задумчивыми. Правильность этого лица портил длинный кривой шрам – он шел сверху вниз, от конца правой брови, через правую щеку, почти до подбородка. Мужчина был гладко выбрит, а каштановые вьющиеся волосы острижены по плечи и подхвачены широкой полосой мягкой кожи.

– Ну, так кто же вы, и что нужно вам на этом берегу? – спросил он, когда борт корабля коснулся причала, и Сети со своим помощником и рабом-нубийцем ловко спрыгнули на насыпь.

– Меня зовут Сети, я начальник охраны фараона Рамзеса Третьего, великого повелителя Двух царств, – ответил царедворец учтиво. – Великий Дом освободил меня на время от моей обычной службы, чтобы я выполнил его поручение. Я назвал себя. Назовись и ты, троянец, и ответь, существует ли город Троя, недавно разрушенный войной, и смогу ли я говорить с царем Трои?

– Уф, сколько вопросов, да еще с таким прескверным произношением! Прости, высокий человек, но пока что критское наречие у тебя не очень выходит, хуже говорят разве что финикийские купцы! – человек тут же улыбнулся, и улыбка сразу уничтожила напряжение, вызванное его словами. – Но, полагаю, я все же понял тебя и постараюсь ответить. Во-первых, я не очень троянец, хотя теперь, пожалуй, могу так называться. Зовут меня Терсит, я – начальник строительства кораблей в Трое. Таким образом, я ответил и на второй твой вопрос: Троя существует, хотя не так давно здесь были одни обгорелые развалины. Видишь, даже причал восстановили и строим новые корабли. Но вот с царем ты поговорить пока что не сможешь, высокий человек: наш царь надолго уехал, оставив правителями своего млад-

¹ Весла, когда корабль подходил к гавани, вынимали из гнезд и поднимали вертикально. (Здесь и далее примечания проф. А.Г. Каверина.)

шего брата, могучего Деифоба, и свою мать, великую царицу Гекубу. Доволен ли ты моими ответами?

– О да! – Сети тоже улыбнулся и махнул рукой гребцам и воинам, повелевая высаживаться на берег. – Я приветствую тебя, благородный Терсит.

Начальник строительства кораблей засмеялся:

– А вот благородным меня не зови, не то я покраснею. Я – простой человек и начальствую на строительстве, что называется, за неимением лучшего, поскольку кое-что в этом смысле. Но все же с чем ты приплыл к нам?

Последние слова Терсит произнес с невольной тревогой, и в первый раз посмотрел прямо в глаза египтянину. Сети не отвел взгляда.

– Я знаю, что ваш царь, великий Гектор, уехал несколько лет назад, – сказал он. – Но ты назвал имена, которые я хотел услышать. У меня вести от вашего царя.

– Ты не шутишь?! – воскликнул Терсит, и его только что спокойный голос зазвенел радостью. – Он жив?! Фу, да что я говорю, глупец этакий! Конечно, он жив, он не мог погибнуть, все у нас верили и все ждали... Хотя прошло столько времени... почти пять лет! А... где он? Он возвращается? И... не один?

– Надеюсь, что да! – чуть заметно хмурясь, произнес Сети. – Надеюсь, что возвращается, надеюсь, что не один. Очень надеюсь, потому что я друг вашего царя, Терсит. И друг его брата. Потому Гектор и попросил Великого Дома отправить сюда с поручением именно меня. Но подробнее я могу рассказать все только его родным. У меня с собой письмо, которое написал Гектор. Мне велено передать его именно царице Гекубе или Деифобу, либо и ему, и ей.

– А этот корабль тоже ваш? – спросил Терсит, указывая глазами на второе египетское судно, в это время уже приближавшееся ко входу в бухту.

– Да, это наш корабль, – подтвердил царедворец. – Я проявил предосторожность, поплыл вперед, а им приказал отстать. Мы ведь не знали наверняка, как здесь обстоят дела. Думаю, тем, кто плывет на втором корабле, ваша царица будет особенно рада...

В это время на берегу показалась катившая со стороны равнины колесница, запряженная парой лошадей. Ездок уверенно развернул ее и направил прямо на насыпь, ширина которой вполне позволяла проехать и более громоздкой упряжке. Что до собравшихся на причале людей, глазевших вовсю на египетский корабль, то они поспешно расступились перед повозкой, и та остановилась, чуть ли не вплотную к маяку. Пыль, поднятая колесами, осела, и стало видно, что колесницей правила женщина. Она ловко соскочила на землю и быстрым шагом подошла к начальнику строительства кораблей. Сети не очень этому удивился: он слышал, что в Трое женщины куда самостоятельнее, чем во многих других землях (впрочем, у знатных египтянок тоже было достаточно свободы, и египтянину такое положение дел не казалось странным), а потому царедворца и не удивило, что троянка разъезжает на колеснице одна. Но, взглянув на нее, он невольно замер: женщина была удивительно красива. Строгий темный хитон искусно драпировал ее великолепную фигуру, но не мог скрыть совершенной формы плеч и девической чистоты кожи, вызолоченной загаром, как мрамор драгоценной статуи². Белое покрывало во время езды соскользнуло с головы, открывая стройную шею и гладкие, сколотые узлом на затылке волосы цвета светлого золота. Черты лица были идеальны, но по-настоящему прекрасной женщину делало не это. Ее огромные, светлые, как чистый родник, глаза светились покоем, в них было то необычайное, совершенно особенное выражение, какое бывает только у очень счастливых женщин. И лишь спустя какое-то время

² Древнегреческие скульптуры не были белыми, как принято думать. Скульпторы раскрашивали свои творения – волосы статуй золотили, тонировали глазные яблоки, красили одежду. Многие годы пролежав в земле, скульптуры утратили этот декор.

Сети, пораженный этой красотой, понял, что женщине, скорее всего, не меньше тридцати пяти...

Терсит, сразу приметивший колесницу, повернулся и, когда наездница, подойдя, встала в трех шагах от него, спросил, украдкой поглядывая на египтянина:

– Что такое, Елена? С чего ты вдруг приехала, да еще одна? Что-то случилось? Надеюсь, не с детьми?

– Нет, нет, Терсит! – поспешно проговорила она. – Оба наших малыша набегались и спят. Но в город прибыл караван с кедровой древесиной, нужно отобрать, что везти сюда, для строительства кораблей, а что можно оставить и отдать мастерам. Царица велела позвать тебя, и я сказала, что сама позову. У мужчин много работы. А я скучаю: ты ведь бываешь дома только рано утром и поздно вечером. А кто это к нам приехал?

– Послы от царя Двух царств... Я правильно называю вашу страну, Сети? Учти, он понимает наш язык и даже кое-как на нем говорит. Сети, это моя жена. Ее зовут Елена.

– Елена Прекрасная! – воскликнул, не удержавшись, египтянин, даже не подозревая, что попал в цель и не понимая, почему женщина от этих слов не покраснела, а, напротив, слегка побледнела и смешалась.

Но Терсит улыбнулся и подмигнул:

– Именно так ее и прозвали. И другой на моем месте не пропадал бы целый день на строительстве, имея такую женушку, но я, вероятно, дурак: я в ней совершенно уверен. Ну, Елена, не обижайся, я же шучу – за пять лет пора привыкнуть к моим дурачествам! Сети привез нам вести. Знаешь, от кого?

– От Гектора и Ахилла! – вскрикнула Елена, проявляя ту необычайную, чисто женскую догадливость, которую нельзя объяснить ни умом, ни сообразительностью, но только особым чутьем подсознания. – Да?! О, Артемида-дева, это так?!

– Так, так, угадала! – Терсит не скрывал счастливой улыбки. – И ты сейчас же поедешь назад, в город, чтобы сообщить обо всем царице, и чтобы за нашими гостями прислали хотя бы пяток колесниц (больше-то у нас пока не наберется!), а остальным лошадей привели, что ли... Не пешком же им тащиться через равнину!

Глава 2

Второй корабль подошел к берегу меньше, чем через час. За это время гребцы и воины с первого корабля успели выгрузить на пристань несколько тюков льняной пряжи и десятка два бочек с редкими египетскими винами – подарки фараона.

– Другое судно нагружено более дорогими вещами, – пояснил Сети Терситу, который в это время сидел с ним в тени маяка, на сложенных у причала досках, и вместе со своим гостем угощался апельсинами. – Великий Дом послал вам в подарок железное и бронзовое оружие лучшей работы, сотню египетских луков – они очень ценятся... Однако смотри: из города мчится колесница. Пока что одна. А за ней кто? Какие-то всадники...

– Всадницы! – уточнил Терсит. – Это амазонки Улисссы, они тут несут охрану с тех самых пор как город начали восстанавливать. Ой, что это? Ба-а! Да ведь это же сама царица катит сюда!

Говоря это, он вскочил, рассыпав с подола своего хитона апельсиновую кожуру. Колесница в это время уже свернула на причал и неслась по нему, не сбавляя скорости. Конями правила, стоя во весь рост, женщина в темно-красном платье, ее белое головное покрывало развевалось по ветру.

– Это царица Гекуба?! – ахнул Сети, в свою очередь, вставая. – Но Гектор говорил, что ей сейчас под шестьдесят... Не может быть!

– У нас все не так, как может быть, но так уж вот получилось! – отозвался Терсит. – Царице пятьдесят восемь, что ли, только про нее этого не скажешь. А по натуре она почище амазонок...

Гекуба круто натянула поводья и соскочила с колесницы. Да, назвать ее старухой ни у кого не повернулся бы язык, особенно сейчас. Ее лицо, по-прежнему красивое, горело румянцем, глаза блестели, она дышала бурно и часто.

– Где? – крикнула она молодым звонким голосом. – Терсит, где эти люди?! Где письмо от моих сыновей?!

Сети выступил вперед и низко склонился перед троянской царицей, испытывая в душе настоящее изумленное восхищение.

– Я посол фараона Рамзеса Третьего, о великая правительница могучей Трои! И вот письмо, о котором я говорил.

Гекуба выхватила свиток из рук египтянина и развернула, даже не пытаясь унять дрожь в пальцах.

– Да! – прошептала она, и краска вдруг сошла с ее лица. – Это рука Гектора... Он жив. Они живы! Мои мальчики!

Царица пыталась и не могла читать: слезы хлынули из ее глаз и текли, и текли, застилая все. Темные строки на желтом папирусе расплывались, сливаясь в непонятный узор.

– Терсит, прочитай! Я ничего не вижу... – и она нетерпеливым движением протянула свиток спартанцу.

– Ну вот, на тебе... – смутился тот. – Да я читать едва-едва научился, моя великая госпожа! А если что-то пойму не так?

В это время второй египетский корабль коснулся причала. С его борта послышался звонкий голос:

– Царица! Царица Гекуба!

Женщина подняла глаза, ахнула, пошатнулась. На берег спрыгнула и кинулась к ней тонкая легкая девичья фигурка. Девушка была в короткой белой тунике, бронзовые волосы, заплетенные в косу, колотили ее по спине. За нею соскочил с корабля и побежал вдогонку

красивый загорелый мальчик, на вид лет шести, крепкий, стройный, с густым облаком черных вьющихся волос.

– Не может быть! – прошептала царица, протягивая к ним руки. – Не... может быть! Андромаха? Астианакс?!

– Нет, нет! – бегущая остановилась в десятке шагов и тоже протянула руки к царице. – Ты не узнаешь меня, да? Я не Андромаха... И это не Астианакс. Я – Авлона, помнишь, царица? А это – Патрокл – сын Ахилла и Пентесилеи. Ему четыре года.

– Здравствуй, бабушка! – сказал мальчик, догоняя юную амазонку и хватаясь за ее руку. – Лона, да? Это и есть моя бабушка, царица Трои, папина мама?

– Мы шли через Черную землю, через горы и через земли позади этих гор почти два года. Но быстрее пройти нельзя. Фараон Рамзес это знал, потому что некоторым людям когда-то удавалось проделать такой путь. Немногим за все известные времена... Можно было примерно догадаться и о том, в каком месте мы выйдем к берегам Великой дуги, если только вообще выйдем. Но Сети и все наши друзья в Египте верили, что великие герои Гектор, Ахилл, царица Пентесилея не могут погибнуть. Они знали, что мы обязательно дойдем. И Рамзес послал свои корабли через Ворота Туманов³, чтобы обогнуть Великую дугу и найти нас на побережье. Нам ведь нужно было построить свой корабль, чтобы на нем плыть домой. Корабли шли вдоль берегов, пока плывущие на них не заметили в одной из бухточек остов нашего корабля. Так нам и не пришлось его достроить! Сети, которого фараон послал искать нас, рассказал, для чего это понадобилось Великому Дому. Сети, да? Я правильно сказала: «Великий Дом»?

– Правильно, – кивнул египтянин.

– Продолжай, Авлона! – нетерпеливо воскликнула Гекуба. – Продолжай!

Они находились в одном из залов знаменитого дворца царя Приама. Его лишь совсем недавно вновь заселили – жилыми были пока что всего несколько комнат и залов центральной части. Сильно пострадавший от пожара, великолепный дворец восстанавливался довольно быстро, однако в городе хватало и других дел – строились и возрождались улицы ремесленников, отстраивались мастерские, а потому Гекуба приказала оставить на работах во дворце лишь два десятка каменщиков, нескольких плотников и резчиков. Все остальные трудились в Верхнем городе, либо на восстановлении храмов.

– Гектор будет недоволен, если увидит, что мы восстановили его дом, а весь город по-старому в руинах! – говорила царица, неизменно подчеркивая, что, сколько бы ни прошло времени, в возвращении царя Трои нет и не может быть сомнений.

Зал был обставлен просто: новенькие кедровые кресла и скамьи, добротной, тонкой работы, украшенные резьбой, покрытые шкурами волков и пантер (амазонки Улииссы отвядили обнаглевшее зверье от города, объявив ему настоящую войну), пара высоких светильников, стол, также сработанный из кедра, высокий ларь, старый, видимо, чудом уцелевший некогда среди развалин, инкрустированный слоновой костью и перламутром, со стоявшей на нем алебастровой вазой, полной роз.

На столе красовались дичь, вино, мед, лепешки и вишни – они едва начали созревать.

Рассказ юной Авлоны слушали все, кто уцелел из семьи Приама, и все, кто в последние годы были к ней приближен. Сама Гекуба и могучий Деифоб, только что вернувшийся из верхнего города, где восстанавливали храм Гефеста. Деифобу исполнилось двадцать восемь лет, он вступал в пору расцвета, но оставался так же простодушен и на вид очень прост. Будучи соправителем Гекубы (так определил, уезжая, Гектор), молодой богатырь даже не помышлял когда-нибудь стать царем Трои – он искренне и безоглядно любил старших братьев и не желал ни слушать, ни думать об их гибели.

³ Воротами Туманов древние народы моря и египтяне называли Гибралтарский пролив.

Троил, младший из Приамидов, напротив, очень сильно изменился. Дело было не в том, что в двадцать один год он выглядел уже почти зрелым мужчиной, утратив свою мальчишескую легкость. Исчезли куда-то его живая беспечность и непоседливость, его постоянно веселое настроение. Он сидел возле окна с кубком не вина, а подслащенной медом воды и слушал Авлону, задумчиво наклонив голову. Коротко остриженные волосы и темно-синяя туника без украшений говорили сами за себя...

Бесстрашный Антенор, назначенный начальником городской стражи, недавно женился, сосватав дочку искусного ремесленника. О неравенстве такого брака (храбрый воин был все же родственником царя!) прежде говорили бы многие, но сейчас стало не до того. К тому же выбор Антенора оказался совсем не случаен – скромная нежная Мирна давно была его возлюбленной. По воле судьбы в ночь падения Трои она вместе с родителями сумела спастись из горящего города и спустя месяц, скрываясь в небольшом пастушьем селении, родила Антенору первенца. Встретились они через год, и отважный воин без раздумий привел в свой разоренный дом молодую жену и сына, забыв все прежние увлечения и многие из своих любовных «подвигов».

Терситу Гекуба тоже приказала ехать во дворец и выслушать рассказ Авлоны. Глава корабельщиков жил теперь в полуразрушенном правом крыле дворца, где сам привел в порядок три комнаты для себя, жены и двоих маленьких сыновей. Вместе с ним слушать рассказ юной путешественницы пришла и Елена. Она уселась на кожаные подушки возле ног мужа и опустила белокурую голову к нему на колени.

В зале было тихо: все слушали, стараясь ничем не прерывать рассказа, и только из-за окон, со стороны внутренней галереи, доносились звонкие детские голоса. На галерее играли маленькие троянцы – сын Антенора пятилетний Долон, который был в этой компании старшим, сыновья Терсита и Елены Кастор и Полидевк, названные так в честь знаменитых братьев прекрасной аргивянки, и моментально освоившийся среди них Патрокл. Авлона, не раздумывая, разрешила ему играть с другими малышами: за время их странствий Ахилл и Пентесилей приучили сына осторожно обращаться со своей недетской силой, он научился ее соразмерять и не мог причинить вреда детям, даже если бы, расшалившись, они, затеяли драку.

– Мы очень удивились, увидев посланцев фараона, – продолжала говорить девочка. – Ведь Рамзес помог нам спастись из Египта, зная, что его коварный везир Панехси так или иначе нас погубит. То есть Ахилла и Гектора. Но оказалось, что за это время положение изменилось. Панехси пытался устроить заговор против Рамзеса и был убит. Да, Сети?

– Я оказался хитрее, чем он думал, – пожал плечами египтянин. – Повелитель доверяет мне свою безопасность, и я понял, что после того как мы оставили везира ни с чем, тот обязательно покусится на жизнь Великого Дома. Я сумел предупредить Панехси. Но после того как мы избежали этой опасности, нас постигли куда более ужасные испытания, и вот тогда фараон принял решение найти Ахилла и Гектора.

– Зачем? – резко спросил Деифоб.

– И что это за испытания? – Гекуба поднялась со своего места и, уже не справляясь с собой, подошла к креслу египтянина. – Гектор в письме говорит о нашествии, но не объясняет, что это за нашествие...

– Лестригоны высадились в дельте Нила, – вместо Сети сказала Авлона.

– Безумный Тартар! – вскрикнул Антенор. – Лестригоны?! Откуда они взялись в тех краях?

– Они существуют? – ошеломленно спросил Троил. – Я думал, ими только детей пугают...

– А кто они такие? – проговорила Елена, увидев, что лицо Терсита побледнело и напряглось. – Я тоже о них что-то слышала, но совсем не знаю, кто они.

– Никто по-настоящему этого не знает, – глухо сказал Сети. – Их называют народом из бездны.

– Фараон Рамзес рассказывал о них Гектору, – произнесла Авлона.

И вспыхнула, тут же поняв, что не должна была говорить этого. Тот разговор между Рамзесом и царем Трои был с глазу на глаз, но юная лазутчица амазонок, поняв, всем существом почувствовав, как важно и как страшно будет то, о чём они станут говорить, впервые в жизни поступила против всех правил. Она ПОДСЛУШАЛА их разговор! Нет, нет, Гектор не приказывал ей уйти, он просто не знал, что она стояла за порогом походного шатра фараона, когда они начали говорить, равно как не мог догадаться, что она поймет их. Языку египтян Авлону обучал Ахилл в течение года, пока они жили в пещере за городом мертвых, где укрылись от мстительного везира. Там, во время невольного безделья, герой решил заняться с Пентесилеей и ее приемной дочерью изучением местного наречия, на случай, если им еще придется иметь дело с египтянами и ради того, чтобы они могли читать свитки папируса с увлекательными преданиями, которые Сети дал им с собою для развлечения. Гектор видел их за этими занятиями, но не подозревал, что обе ученицы усвоили за короткое время так много... Да, Авлона понимала: нужно уйти и не слушать. Однако страх, едва ли не впервые охвативший все ее существо, страх перед неведомой, но реально осязаемой опасностью, заставил ее нарушить заповедь амазонок – никогда не знать и не узнавать того, чего тебе не положено. Она тихо обошла шатер и, не замеченная стражей, спряталась в зарослях акации.

Весь разговор царей вспомнился ей сейчас от слова до слова.

Глава 3

– Я мало знаю о лестригонах, – сказал задумчиво Гектор. – Когда Троида испытала их нашествие, моему прапрадеду было меньше, чем мне сейчас. Они не смогли одолеть стен Трои, но округу опустошили начисто. Пришли и ушли, посеяв смерть. Кто они такие, Рамзес?

– Народ из бездны, – прозвучал в ответ голос фараона. – Так зовут их. Они все громадного роста – самый низкорослый из них вровень со мной, а таких, как ты и твой брат, среди них найдутся десятки.

– И таких же сильных, как Ахилл? – спросил с сомнением троянец.

– Это вряд ли! – Рамзес усмехнулся. – Будь так, они уже уничтожили бы весь обитаемый мир... Но сейчас у них появился воин, возможно, не менее могучий. Однако об этом после. Слышал ли ты о том, откуда взялся народ лестригонов, Гектор?

– Я же сказал тебе, Великий Дом: я о них почти ничего не знаю. Полит говорил, будто они происходят с каких-то островов Понта Эвксинского.

– Может быть, – сказал фараон. – Может быть. Но вот тут можно только гадать. Лестригоны давно не живут на родине. Они нигде не живут – они селятся на каком-то побережье или острове (чаще на острове) на двадцать-тридцать лет, опустошают окрестные земли и исчезают. Порой два-три столетия о них ничего не слышно в землях Ойкумены, но вот они вновь являются там, где их не ждут, и снова сеют смерть и страх. Иные говорят, что они отдыхают в Царстве тьмы, у своего покровителя.

– Это у кого же? – голос Гектора напрягся и возвысился. – Повелителя Царства мертвых мы зовем Аидом. Наверняка не он покровитель лестригонов.

Фараон рассмеялся:

– Я имею жреческий сан, Гектор. Младший сан, но мне тоже открыто Тайное. И ты, и я, мы оба знаем, что мир управляется не многими духами, а одним... И что есть духи, и, возможно, главный, могучий и злобный дух, который противостоит этому одному. У лестригонов, действительно, есть свое божество, и я расскажу тебе предание об их происхождении, которое живет среди них. Те немногие, кто выжил, попав к ним в плен, говорили об этом.

– Они что, так тесно общаются с пленными? – удивился троянец.

Фараон выразительно усмехнулся.

– Со своими псами они общаются больше, чем с пленниками. Но язык их достаточно прост, он словно слеплен из разных наречий народов моря, и прожившие у них в плену год обычно хорошо этот язык усваивали – чтобы не быть убитыми, им приходилось понимать, что им приказывают. А о своей истории лестригоны расппевают песни, длинные и невероятно хвастливые – они гордятся своей связью с духом зла и тьмы.

– И как они с ним познакомились?

В тон Рамзесу Гектор произнес эти слова насмешливо, но Авлона, хорошо его знавшая, была уверена, что глаза царя Трои были в этот момент серьезны, а лицо напряжено.

– Они поют об этом так. На заре мира, когда Бог, его создавший, населил землю людьми, в Его войске, произошел бунт. Часть духов, служивших Ему, восстала, и возглавил их один из главных духов, решивший, что он может стать сильнее Бога и захватить им созданное, потому что сам ничего создать не мог. Бог победил бунтарей и низверг их с неба, где они обитали, в глубокие бездны. Дух-предводитель упал в пропасть. На дне этой пропасти жило дикое племя, ушедшее туда, чтобы спастись от своих врагов, и потому, что они любили темноту больше света дня. Увидав свергнутого мятежника, эти люди приблизились к нему с поклонами, потому что их поразило его падение с высоты неба. Он спросил: «Будете служить мне?» И они хором ответили: «Будем!» Тогда лукавый демон сказал: «Отныне я

сделаю вас самыми сильными людьми на земле! Вы станете могучи и непобедимы. Вас все будут бояться. Но взамен вы должны поклясться, что посвятите всю жизнь истреблению моих врагов». «А кто твои враги?» – спросили его дикари из пропасти. «Все, кто мне не служат! – был ответ. – Все, кто живет по воле Бога, низвергнувшего меня с небес! Рано или поздно люди должны соединиться с Ним, для того Он их и создал. Но вы будете убивать их, будете нести смерть во все уголки земли, вы будете сеять ужас среди народов и племен и этим служить мне, ибо те, кто живут в страхе, не станут думать о Боге, а будут думать только о себе. Вы должны жить ради войны и убийства!» «Нам это нравится! – закричали люди бездны. – Мы хотим быть сильнее всех, хотим всем внушать ужас!» Тогда демон плюнул на землю, и из нее вылезли во множестве мерзкие грибы на тонких ножках, испускающие гнусный запах. «Ешьте их! – приказал злобный дух. – Ешьте их каждый день и из поколения в поколение. И вы не будете знать страха в бою!» Затем он дунул на дикарей – они все стали вдвое выше ростом, гораздо мощнее и кинулись пожирать поганые грибы, не замечая их вони. С тех пор, куда бы ни плыли лестригоны, где бы они ни жили, они привозят с собой и сеют споры этих самых грибов. Они говорят, что грибы вызывают невероятные видения и отнимают реальное сознание. Вкушающий их живет будто за пределами земного. Страх им в самом деле неведом, или почти неведом. Они свято выполняют клятву, данную духу тьмы, сея ужас на земле, истребляя племена и народы повсюду. Везде строят капища демону, своему покровителю, везде приносят ему человеческие жертвы. Причем жертвуют не только пленных. Если у них вдруг рождается слабый и больной ребенок, его тоже убивают. Убивают стареющих воинов, когда те становятся неспособны к битве. Демон требует все новой и новой крови. Лестригоны преданы ему. Они зовут его Фсатан.

– Как? – переспросил Гектор, – Фсатан, говоришь? Слыхал я это имя. Оно упоминается в какой-то древнейшей летописи, где как раз рассказывается о бунте небесных духов против Бога и об их поражении. Так его там и именуют. Или очень похоже. Значит, лестригоны – просто дворовые псы демона? Я думал, их история загадочнее и интереснее.

Скрипнуло кресло, должно быть, царь Трои встал и своим обычным широким шагом прошелся по шатру. Рамзес молчал, выжидая, пока троянец не задаст новых вопросов.

– А что нужно этим разбойникам в Египте? – наконец спросил Гектор. – Неужто они рассчитывают и его завоевать? Победить твою великую армию?

Прошло довольно много времени, прежде чем фараон ответил. И когда он заговорил, его голос прозвучал очень глухо.

– К сожалению, они могут победить, Гектор.

Троянец тоже несколько мгновений молчал.

– Вот как! – проговорил он. – В таком случае я ничего не понимаю. Лестригоны – малочисленный народ, ведь так?

– Во все времена их численность не превышала пяти-шести тысяч, – подтвердил Рамзес. – Будь их больше, они опустошили бы уже и самые великие государства.

– Но твое государство – одно из самых великих! – воскликнул Гектор. – Два года назад, когда мы покидали Египет, его постоянно действующая армия насчитывала двадцать тысяч человек. У вас – отличное оружие, ваши воины прекрасно знают технику боя, полководцы искусны и опыты. Ну, пускай лестригоны – тоже искусные воины, пускай они наделены великанским ростом и огромной силой. Но ведь их не может быть более двух-трех тысяч! Ты не сказал мне, сколько их приплыло...

– Полторы тысячи воинов, – ответил фараон, и его кресло тоже заскрипело, он встал, должно быть, подойдя ближе к Гектору, потому что после этого они заговорили тише.

– Полторы тысячи! – Гектор то ли поперхнулся, то ли засмеялся. – Но не хочешь же ты убедить меня, Великий Дом, что при таком соотношении сил эти слуги беса смогут выиг-

рать битву и завоевать Египет?! Сокрушить ваши крепости, взять укрепления?! Я был бы сумасшедшим, если бы в это поверил!

Снова фараон ответил не сразу. Слышно было, что он ходит взад и вперед по шатру.

– Ты помнишь наш с тобой самый первый разговор, Гектор? – спросил Рамзес. – Помнишь все, что я рассказал тебе о нынешнем состоянии нашей армии и вообще о положении дел в Египте? Помнишь?

– Помню, еще бы не помнить! Ты говорил об ослаблении государства из-за частых войн, о страшных жертвах прошлого ливийского восстания, когда вы потеряли двенадцать тысяч воинов, о том, что в народе может родиться недовольство, если придется увеличивать армию и расходы на нее. Ты боялся смуты и мятежей. Но мы говорили об этом три года назад. Последний ливийский поход принес тебе победу, затем ты сумел уничтожить своего главного врага, везира Панехси. Что теперь пугает тебя? Ведь для того, чтобы одолеть полторы тысячи разбойников, каких угодно могучих, тебе не придется объявить дополнительный призыв. Даже если каждый лестригон стоит пяти египтян.

– А если десяти? – в голосе фараона послышался страх, который он пытался, но не мог скрыть. – Ты все же не понимаешь, что это за твари! Они умеют только убивать, но этим искусством владеют с абсолютным совершенством. Сила их колоссальна, а главное – они не знают страха смерти.

– Таких людей не бывает, Рамзес! – сухо сказал Гектор.

– Во всяком случае, никто не видел проявлений их страха, – усмехнулся фараон. – И они могут если и не сокрушить мою армию, то нанести ей такой урон, от которого мы не оправимся и за пятьдесят лет! И это будет концом царства, ты должен понять, царь Трои! Или думаешь, что все наши враги разом не воспользуются слабостью Египта?

Вновь последовало молчание. Шаги Гектора послышались возле самой стены шатра, затем удалились и вновь приблизились.

– Разумно, – сказал он наконец. – И потому ты позвал нас с Ахиллом. Но ведь нужно было немалое время, чтобы послать корабли через Ворота туманов и привезти нас сюда. Ты что же, заранее знал о нашествии?

Рамзес глухо усмехнулся:

– Да, Гектор, я о нем знал. У меня уже давно были сведения, что лестригоны объявились на одном из островов Зеленого моря, уничтожили население этого острова, ограбили несколько финикийских кораблей. А несколько месяцев назад их царь Антифот⁴ прислал в Египет гонцов с письмом, которое я с трудом прочитал, ибо своей письменности у этих бродяг нет, а по-финикийски крокодил лучше напишет... Но тем не менее смысл был понятен: он обещал через полгода высадиться на берегах Египта! Я знал, что они исполнят угрозу... Они так делали много раз: заранее предупреждали о своем нападении, чтобы навести ужас.

– Я понял, – сказал Гектор. – И ты хочешь, чтобы мы с братом вновь помогли тебе. Так?

– Так, – подтвердил Рамзес. – И не потому, что я спас вас от Панехси и хочу платы за это. Но если лестригоны сокрушат Египет, они устремятся на другую сторону моря, и Трояда, еще слабая после войны, не сможет оказать им сопротивления. Их надо разбить здесь.

Теперь усмехнулся Гектор, и его усмешка прозвучала грозно:

– Трояда? Ну, пускай попробуют, если мы успеем туда вернуться... – Нет, Рамзес, не о Трояде ты думаешь, тебе не до нее. Но мы и вправду обязаны тебе жизнью. А значит, должны тебе помочь. Где они высадились, эти любимчики главного демона?

⁴ Именно это имя носит царь лестригонов и в мифологическом сюжете об одном из приключений Одиссея во время его странствий. Вероятно, имя звучало иначе, а «Антифот» – его греческий вариант. Трудно сказать, попало ли оно в мифологию из этого древнего романа, либо легенды о зловещем царе ходили среди народов моря из века в век.

– В дельте Нила, западнее одной из наших гаваней, – ответил Рамзес. – Антифот при- слал мне вызов на битву. В последние годы они со всеми так поступают. И Антифот всем предлагает одно и то же: выслать армию, числом равную его войску. И начать с поединка.

Гектор расхохотался:

– Ну, это уже слишком, Великий Дом! Ты что же, шутишь со мною? Какой еще поеди- нок?

– Поединок, на который он предлагает выставить сильнейшего. Сильнейшего выставит и он. Если его воин проиграет и будет убит, Антифот клянется увести свое войско и нико- гда больше, покуда он царствует, не нападать на Египет. Если погибнет мой воин, я должен отступить и принять любые его условия. А это означает гибель Египта. Можно, конечно, сопротивляться, но это ничего не изменит. Насколько я знаю, поединок с его богатырем при- нимали уже не однажды. И неизбежно гибли.

Авлоня не видела, что происходит в шатре, но по тону Гектора, когда он заговорил, поняла, что царь Трои сейчас стоит против своего собеседника и пристально смотрит ему в лицо.

– Кто этот воин? – глухо спросил троянец. – С кем Антифот предлагает сражаться силь- нейшему из египтян?

– Это его племянник, – ответил фараон. – Сын его старшей сестры и... Не хочу пока- заться тебе безумцем, верящим в нелепые сказки, но эта сказка имеет слишком много под- тверждений. Словом, все лестригоны уверены, что этот воин родился от демона. Его зовут Каррик, и он чересчур мало похож на человека, чтобы можно было полностью не верить в эту легенду.

– Мало похож на человека? – воскликнул Гектор. – И что же в нем настолько отлича- ется? У него растут рога, он умеет летать? Или, может, у него есть вторая голова про запас, на случай, если ему снесут первую?

– Не смейся, царь! Никто из видевших Каррика не смеялся... Мне о нем рассказали так: это великан, примерно на голову выше тебя, с торсом гигантским и мощным, с ногами, подобными столбам, и руками, которыми он легко вырывает из земли взрослую пальму. У него глаза желтые, как у леопарда, они горят в темноте, а зубы во рту остроконечные, тоже как у хищного зверя. При этом он в совершенстве владеет любым оружием, но и без ору- жия, одним ударом кулака, может убить быка, а не только человека. Допускаю, что часть этих впечатлений навеяна страхом, и что описание немного преувеличивает истину, однако от этого не легче. Каррик одержим желанием убивать, по сравнению с ним все остальные лестригоны – кроткие дети! Мне сказали, что когда разбойники ни с кем не воюют, он тре- бует время от времени выставлять ему двух-трех своих воинов для поединка и тут же их приканчивает.

– Ого! – Гектор рассмеялся. – Ну, так я понимаю Антифота – он, скорее всего, хотел бы, чтобы кто-нибудь справился с его племянничком: учитывая малочисленность лестриго- нов, этот ублюдок может их всех истребить... И, самое главное – рядом с таким полупоме- шаным убийцей царь едва ли может чувствовать себя в безопасности. Описание Каррика и вправду внушает трепет, хотя, сказать по чести, убить кулаком быка могу и я, если сильно разозлюсь! А что-нибудь еще отличает это чудовище от людей? Ну, кроме светящихся глаз (если это правда!), крокодильих зубов и роста? Что-нибудь, что бы явно подтверждало его родство с демоном?

Рамзес тихо выругался, но его брань не имела связи с разговором. Тут же стало ясно, что случилось: из-за полога шатра вылетела и шлепнулась на землю раздавленная много- ножка.

– Заползают среди бела дня! – зло произнес фараон. – В этих влажных местах их полно... И кусаются не хуже скорпионов, только что их яд не так смертоносен. Нет, не

смотри с такой тревогой, Гектор: она не успела меня укусить, а если бы и цапнула – в моей дорожной аптечке всегда есть набор противоядий⁵. Ты спрашиваешь, чем он отличается... Хм! О нем говорят, что его нельзя убить, то есть что человек не может убить его. Не улыбайся, я сам в это не очень верю.

– Я просто вспомнил ахейскую легенду о неуязвимости Ахилла! – воскликнул царь Трои.

– Я слышал о ней. Но о Каррике говорят, что его может убить только человек, который побывал в Царстве мертвых и вернулся оттуда. Так нагадали колдуны лестригонов.

– Вот оно что! Я так и думал, Великий Дом! Снова все сходится на моем брате. Но почему Ахилл должен рисковать жизнью ради спасения твоего царства? Почему именно он?

– Потому, что, кроме него, ни у кого нет надежды убить Каррика, – спокойно ответил Рамзес. – Ты сам это знаешь. Но, между прочим, я ведь не знал наверняка, правда ли то, что мне о нем говорили: правда ли, что Ахилл был убит под Троей и его вернуло к жизни какое-то загадочное средство. Сейчас ты это подтвердил, Гектор. Не смотри так... Я же не прошу Ахилла соглашаться. И тебя не прошу – вы можете уехать, вас никто не станет удерживать. Свои долги ты мне уплатил, выиграв ливийский поход, а твой брат ничего мне не должен. Да, мне нужна помощь, но вы сами будете решать, оказать ли ее мне.

Что-то резко скрипнуло, как будто троянец с размаху упал на свой стул. Послышался глухой смешок:

– Ты хитер, фараон! Ты прекрасно понимаешь, что именно так можешь добиться своего. Именно рассчитывая на мой свободный выбор, на благородство, а не на зависимость.

– Само собою, – подтвердил Рамзес. – Само собою. Я знаю тебя, царь Трои, великий Гектор! И у меня есть еще одно средство сделать твой выбор удачным для меня. Я знаю, где твои жена и сын.

Услыхав это, Авлона, при всей своей выдержке, едва не вскрикнула. У Гектора не было особенной причины сдерживаться, и он вскочил так резко, что его стул опрокинулся и отлетел в сторону.

– Гермес – хранитель тайны! ⁶ Они живы?! Да?! Скажи!

– По крайней мере, были живы и здоровы год тому назад. Это мне известно наверняка.

Гектор застонал. Если фараон рассчитывал нанести ему удар, то рассчитал точно. Смятение обрушилось на троянца, как водопад, он не успел, да и не мог справиться с этим потрясением.

– Великий Единственный Бог, благодарю тебя! – прошептал Гектор, и слышно было, с каким трудом он перевел дыхание. – Я понимаю, Рамзес, что ты назовешь мне место, где я смогу их найти, только после сражения...

– Это было бы низостью, недостойной моего высокого рода! – почти резко возразил фараон. – Тем, кому я верю, я плачу вперед. Не так давно мне сообщили, что в Нубии появился какой-то человек. Судя по всему, он данаец⁷, и непонятно, как он проник в Нубию, миновав Египет, и как исчез оттуда. Но так или иначе, он разузнавал там о тебе и, видимо, узнал многое. Так вот, он просил всех, с кем говорил, сообщить тебе, если ты где-либо объявишься, что твоя жена Андромаха и твой сын Астианакс живут в Эпире, и что никто не помешает тебе увезти их оттуда.

Когда Авлона умолкла, какое-то время молчали все. Только голоса детей и их смех все так же доносились с внешней галереи. Гекуба заговорила первой, и всех поразил ее

⁵ О том, что у египтян существовали походные аптечки, есть упоминания в некоторых древнеегипетских документах.

⁶ Кроме прочих своих функций веселый бог Гермес выполнял и эту: его считали хранителем тайн, заклинаний, всего, что связано с колдовством и магией. Именно от его имени происходит слово «герметический», то есть закрытый, секретный, недоступный.

⁷ Данайцами египтяне называли представителей всех народов моря: греков, этрусков и т. д.

голос: в нем не было слышно вообще никаких чувств, словно она запретила себе чувствовать, чтобы сохранить власть над собой.

– Значит, сейчас, сегодня уже все кончилось? – спросила царица. – Поединок уже совершился? Гектор в письме написал: через три дня, аплыли вы не менее двадцати. Значит, так или иначе, Ахилл уже дрался с Карриком?

– Да, – сказала Авлона. – Он сразу согласился, едва узнал обо всем. Он сказал... я точно помню, как он сказал: «Надо избавлять мир от чудовищ, когда это в нашей власти!» Но и он, и Гектор были уверены, что поединком дело не кончится, что царь лестригонов обманет и при любом исходе нападет. Об их коварстве знает вся Ойкумена. Фараон Рамзес думал так же. И Гектор назвал единственное их с Ахиллом условие – это чтобы фараон дал пару кораблей с сопровождением и приказал отвезти в Трою Патрокла. Гектор сказал, что не станет им рисковать – сын его брата должен вернуться домой. И мне приказал плыть с ним. Это все было уже на берегах Зеленого моря, в Египте, в одной из их крепостей, ближайшей к тому месту, где лестригоны обещали высадиться. Как сообщил гонец, они высадились чуть не в тот день, когда Сети привез нас в походный лагерь фараона. И вот Гектор, Ахилл и царица Пентесилея отправились туда, к месту битвы, оно находилось всего в одном дне пути от крепости, а мы с Патроком... Мы...

Тут голос юной амазонки впервые дрогнул, она опустила глаза. Видно было, что дрожат и ее пальцы.

– Я так просила... – с трудом закончила она, – я так просила их и мою царицу, чтобы мне разрешили остаться! Но они не позволили...

– Еще бы они отправили малыша с одними египтянами! – воскликнул Деифоб и тут же в смущении покосился на Сети. – Я никого не хотел обидеть, но мальчик царского рода, и... Словом, я волнуюсь и несую какую-то чепуху! Просто Гектор, зная отвагу Авлоны, боялся за нее, вот и все.

– Перестань, Деифоб! – прервала сына Гекуба. – Не мне и не тебе обсуждать, почему Гектор решил так, а не иначе. Он написал, что сразу после битвы они поплывут в Эпир за Андромахой, а потом, если все будет хорошо, вернуться домой, вместе с ней и с мальчиком. Плыть до Эпира, если я ничего не путаю, чуть дольше, чем до Трои, а при попутных ветрах можно поспеть и скорее. Значит, они, быть может, уже там или скоро там будут.

– Ты так уверена, мама? Ты уверена, что там, в Египте, все кончилось благополучно? – не выдержал Троил.

Гекуба резко обернулась к нему:

– Ты сомневаешься в том, что Ахилл победил этого демонова выродка? А я не сомневаюсь! Я ЗНАЮ, что они вернутся! Все слышали? Я это знаю!

Она хотела еще что-то добавить, и тут ее неколебимое мужество иссякло. Царица резко вскочила со своего кресла и, подобрав край платья, почти бегом выскочила из зала. Убежала и Авлона, но не с тем, чтобы догнать царицу – она не хотела, чтобы кто-нибудь заметил ее вдруг покрасневшие глаза.

В этой обстановке Сети, о котором троянцы, потрясенные рассказом юной амазонки, на время забыли, почувствовал себя неловко. Потихоньку, чтобы никто не обратил на него внимания, египтянин поднялся с места и вышел на галерею. К нему тут же, с разбега, подкатился один из малышей и, не сумев остановиться, врезался лбом в его ноги.

– Ой! Полидевк, ты что делаешь? Разве можно так себя вести?!

Молодая женщина в белом с розовой оторочкой хитоне настигла малыша, схватила под мышки и оторвала от колен гостя, которые тот, хохоча, обхватил. Потом подняла голову:

– Прости его, благородный чужеземец! Он еще совсем мал. И гости у нас в Трое пока не бывают... Полидевку никто не рассказывал, как себя при них вести.

– Он меня ничуть не обидел! – рассмеялся египтянин.

В этот момент они оказались лицом к лицу с девушкой, и Сети почему-то испытал желание отвести глаза: ему редко приходилось видеть у взрослого человека такой простодушный, незащитно открытый взгляд. Девушке казалось на вид лет двадцать. Круглое милое личико в россыпи золотых веснушек, пушистые волосы, собранные на темени в строгий узел и подхваченные шнуром, трогательные ямочки на щеках, когда она улыбнулась.

– Меня зовут Сети, – неожиданно для себя проговорил царедворец, слегка поклонившись. – А ты, как я понимаю, мать одного или двоих из этих чудесных озорников?

– Нет! – девушка продолжала улыбаться. – Просто я живу во дворце и за ними присматриваю. Мой дедушка служил жрецом в храме Аполлона, но два года назад он умер, я осталась одна. И добрая царица позвала меня жить здесь, с ними. Ну, а дети... Я всю жизнь люблю детей, и они меня тоже.

– Так тебя нужно поскорее выдать замуж.

Она рассмеялась:

– Нужно. Наверное, царица так и сделает. Только вот мужчин у нас в Трое сейчас мало. Я хочу сказать, неженатых! – румянец залил щеки девушки и погасил ее смешные веснушки.

Сети отчего-то почувствовал себя глупо. Впервые за долгие-долгие годы он понял, что ему всерьез нравится женщина, и не знал, как сказать ей об этом. «А нужно ли говорить? – тотчас мысленно осадил он себя. – Для чего мне это?»

И спросил вслух:

– Как твое имя?

– Хрисеида. Дед рассказывал, что в детстве родители звали меня Ксентой, но они рано умерли, и все привыкли называть меня от имени дедушки – а его имя было Хрис. Мне и самой так нравится – Хрисеида. А в Египте у женщин красивые имена?

– У моей жены было красивое имя, – вновь отведя взгляд, сказал Сети. – Ее звали Лассави. Но она умерла. И у дочери имя красивое – Атуни. Но твое не хуже.

Час спустя Троил нашел Авлону на внутренней городской стене, где она сидела, прислонившись спиной к одному из зубцов, и сосредоточенно протирала кусочком кожи лезвие своей секиры.

– Я тоже верю, что они победили, – сказал юноша, садясь рядом с амазонкой. – Конечно, тяжело, когда остается только ждать. Но мы ведь вас уже скоро пять лет ждем.

– Я ждать не буду, – покачала головой Авлона. – Я поплыву в Эпир и там отыщу их. А может, буду и раньше – все-таки из Египта туда путь дальше. И едва ли они отправились сразу после битвы...

Она поймала удивленный взгляд царевича и воскликнула:

– Да, да, не удивляйся! Попрошу Сети отвезти меня, а если он не согласится, доплыву на дельфинах. Хотя так далеко никто никогда не плавал. Но я доплыву. В этих морях много островов. Что так смотришь? Я с ума сошла, да? Может быть, и так...

– Мама даст корабль и гребцов, я думаю, – Троил улыбнулся. – Я бы и сам поехал с тобой... А что? И поеду.

Авлону подняла на него глаза.

– Отчего умерла Крита? – спросила она тихо.

– От родов, – ответил он, не спрашивая, откуда она знает. – Мы стали мужем и женой два года назад, и Кей сказал Крите, что после той раны – помнишь, полученной в бою с морскими разбойниками, ей опасно рожать. Сказал, что есть всякие средства, чтобы... чтобы детей не было – травы какие-то. Крита и слушать не захотела. Родила мне близнецов, двух мальчишек... Знаешь, какие они замечательные! Я тебе их сегодня же покажу. Они уже вставать научились и что-то говорят. Только еще ничего не понятно.

– И как же ты уедешь от них куда-то? – удивилась Авлона.

– Я же не кормлю их грудью! – пожал плечами юноша. – Есть кому смотреть за ними. Послушай, ты стала такая большая! Почти взрослая, Авлона. И я тоже принял бы тебя за Андромаху, если бы не знал, что это ты.

Девушка улыбнулась. На ее лице, только что строгом и серьезном, вновь появилась озорная гримаса прежней Авлоны.

– Ну и хорошо! По крайней мере, сестричка сразу меня узнает. Ведь смотрит же она иногда в зеркало...

* * *

– Миш! Вы с Анютой что сейчас делаете?

– Спим, мать твою! Ты на часы иногда смотришь или как?

Ларионов для подтверждения своего негодования выпростал ногу из-под одеяла и большим пальцем надавил на кнопку торшера. Оранжевый свет конусом упал на журнальный столик с часами. – Половина пятого, Витюня. Ты что у нас, жаворонок?

Сандлер на другом конце провода тихо хмыкнул:

– Жаворонками бывают либо гении, либо дебилы. Я не то и не другое. Ты небось лег часика в два, а я думал лечь как раз часиков в пять. Но дочитал, понимаешь ли, третью главу этих самых лестригонов и решил тебе позвонить. Вы с Энн когда собираетесь к мэтру?

– К мэтру? – Михаил все никак не мог проснуться, и Сандлеровский жаргон не сразу переводился на нормальный язык. – А-а-а, к Александру Георгиевичу... Наверное, уже когда мы с тобой вернемся. Значит, через пару недель.

Виктор на миг задумался.

– Через пару недель... Видишь ли, я хочу поехать денька на три попозже. Тут переговоры намечаются с серьезными людьми. Я ведь тебе говорил, что светит купить магазин.

– Говорил, – Миша покосился на лежавшую к нему спиной Аннушку и сразу понял, что она не спит (слух у нее собачий, и просыпается она от всякого шороха – просто мешать ему не хочет). – Говорил, о великий делец! На меня не рассчитывай. Ездить по всяким Анталиям и возить тюки турецкого барахла – куда ни шло, но серьезные торговые операции, прости, не по мне.

– Понимаю. Ну, ты, надо думать, вообще скоро прославишься. Роман-то опубликуют. Я ведь тебе не из-за магазина звоню.

– А что?

– Да, понимаешь... Весь этот разговор о лестригонах... Вы же до этого места дочитали?

Миша засмеялся:

– Мы прочитали гораздо дальше.

– Ну, так вот. Получается, что там все по Библии, что ли?

Ларионов слегка опешил.

– Вить! Спать надо больше и регулярнее. По какой еще Библии? Ты что?

– Ну, как же! – смутить Сандлера было невозможно. – Там же тоже: злой дух взбунтовался против Бога, тот его низверг на землю. Разве не так? Я только не помню, есть ли там что-то про этих самых лестригонов...

– Где, в Библии? Нет, конечно. Лестригоны, как думали до сих пор, вообще мифический народ, действительно очень агрессивный, обитавший, якобы, где-то не севере. Они и вправду были мощные, громадные и очень воинственные.

– Помню! – в трубке заскрипело и что-то шлепнулось. – Блин! Стулья стали делать... Майкл! Я вспомнил: они в «Одиссее» упоминаются. Им там Одиссей глаза выкалывал.

Михаил, не выдержал и прыснул, испуганно косясь на жену.

– Все перезабыл, коллега! Глаза Одиссей выкалывал циклопу. И не глаза, а один глаз. А лестригоны ему просто корабли топили – каменюками забрасывали. Что до Библии, то я тоже подумал об этом. Получается – свидетельство. И имя демона... Фсатан.

– Точно! – подхватил Сандлер, – Сатана, то бишь. Так что, может, все так и было?

– Как в романе? Профессор уверен, что описаны подлинные события.

Стул на том конце провода опять заскрипел.

– Да не только, как в романе... Как в Библии.

Миша снова засмеялся:

– А других доказательств тебе мало? Слушай, Витька, ну тебя в баню – я спать хочу! Давай созвонимся вечером, а я до того позвоню профессору. Может, махнем к нему.

Однако уснуть Ларионову уже не удалось. Он не стал выключать свет и какое-то время лежал, закинув руки за голову, вслушиваясь в мерное дыхание Ани. Кажется, она снова уснула.

Он протянул руку, взял со столика кипу белых листов и, отложив примерно половину, нашел нужное место.

Глава 4

Войско лестригонов высадилось между двумя рукавами нижнего Нила, в том месте дельты, где рощи и возделанные поля далеко отступали от морской границы и где от пологого морского берега, обрамленного торчащими из воды редкими красноватыми скалами, на пять-шесть стадиев тянулся чуть заметно уходящий вверх склон. Земля здесь была сухая и рыхлая, поросшая хилой травой и кое-где низкими кустами. Небольшой ручей вытекал из ближайшей олеандровой рощицы и узкой лентой сбегал к морю, спеша что есть сил, покуда жадное египетское солнце не выпило его на открытом месте.

Двадцать шесть кораблей стояли, упершись носами в берег, привязанные толстыми канатами к вбитым в землю столбам. Лестригоны не вытаскивали кораблей на сушу, и это казалось странным: им еще никогда не приходилось поспешно спасаться бегством, и такая предосторожность выглядела излишней. Корабли имели внушительный вид: массивные, с бортами, заметно вогнутыми внутрь, так что шире всего они были в том месте, где выступали из воды. Их носы почти не приподнимались вверх, но киль впереди был острый, сделанный из прочного просмоленного дуба. В верхней части бортов темнели отверстия для весел, выточенных из тонких стволов молодых сосен, равно как сосновыми были и мачты – на каждом корабле по две: центральная, с одним большим квадратным парусом, и кормовая, с двумя маленькими треугольными. Благодаря им корабль стал достаточно подвижен: при хорошем ветре его можно было поворачивать только с помощью этих парусов, ибо рулевое весло при сильной волне слушалось куда хуже, ему мешали вес и громоздкость корабля.

Поставив свои суда в узкой губе залива, что вдавался в берег там, где его прорезал ручей, лестригоны раскинули лагерь не здесь же, возле кораблей, а левее, прямо вдоль выгнутой в море береговой дуги. Шатры, числом чуть больше ста, завоеватели установили двумя рядами. Из чего эти шатры сделаны, трудно было понять – они походили то ли на гигантских морских черепаха, то ли на кургузые лодки, перевернутые вверх днищами. На самом деле это были... пересеченные крест-накрест китовые ребра (по шесть для каждого шатра), на которые натянули чехлы из сшитых между собою шкур. У некоторых народов моря существует легенда, будто лестригоны умеют охотиться на китов, однако те немногие, кому посчастливилось выбраться живыми из их плена и рабства, слышали подлинную историю этих костей. На одном из островов, где долгое время жило племя людей бездны, в большой бухте было кладбище китов – никто не знает, отчего, но эти гигантские рыбы⁸ десятками, из года в год приплывали сюда умирать. Некоторые выбрасывались на берег, и их туши пожирали чайки и бакланы, другие гибли прямо в воде бухты, и пировать туда в такие дни сплывались сотни акул. Обглоданные кости китов торчали среди черных скал бухты, плавали в воде, и лестригоны, заготовив их великое множество, стали делать из них наконечники для копий и стрел, а потом научились использовать громадные изогнутые ребра как основы для своих шатров. Шатров, которые можно очень быстро поставить и почти столь же быстро убрать. В таких шатрах могучие воины не могли стоять во весь рост, но в этом и не было нужды – во время боевых походов они там только спали, либо прятались от самых сильных ливней, все же остальное время лестригоны проводили под открытым небом. Даже там, где они жили подолгу, по двадцать-тридцать лет, люди бездны не строили домов, а лишь сооружали навесы либо селились в пещерах. Захваченные ими города свирепые воины обычно разрушали до основания.

⁸ В представлении древних людей кит – не животное, а рыба.

Завоеватели причалили к берегам Египта за одну луну⁹ до назначенного царем Антифотом дня поединка богатырей. А за двое суток до этого дня фараон Рамзес перенес свои походные шатры от ближайшей из сторожевых крепостей к тому же самому береговому изгибу и раскинул их напротив стана лестригонов, оставив между ними и собой свободное пространство шириною в пятнадцать стадиев.

Великий Дом собирался отправить посла к Антифоту и предложить тому встречу, но царь лестригонов упредил его. Едва мачта с флагом фараона поднялась над его лагерем, от серой полосы лестригонского лагеря отделились несколько темных фигур и двинулись вперед. Затем остановились, и в утренней тишине раздался трескучий голос барабана.

– Это большой барабан самого царя Антифота, – сообщил пожилой финикиец Дагон, который когда-то торговал с лестригонами, затем был захвачен ими вместе с кораблем и со всем товаром (такое «гостеприимство» люди бездны проявляли часто и со всеми), а через полгода выкуплен своей родней за огромное количество оружия и съестных припасов. – Этим барабаном он дает знать, что хотел бы говорить с египтянами. Это значит, что он сам вышел на переговоры.

– И значит, – заключил Рамзес, в это время преспокойно умывавшийся над серебряным тазом, – и значит, он хочет, чтобы я тоже сам к нему пошел!

– Скорее всего, – кивнул Амен-Ка, возница фараона, стоявший возле него и следивший, как из серебряного кувшина, который держала молодая нубийка, падает в таз тонкая, играющая радугами струйка. – Он, конечно, именно этого и хочет, о Великий Дом. Но не много ли ему чести?

– Раз я принял его условия изначально, то придется следовать им, – фараон взял из рук девушки полотенце, не спеша вытер шею, плечи и руки. – Зови мою охрану. И троянцев позови.

– Мы уже здесь, – раздался рядом голос Ахилла. – Ну, и грохочет этот их ба-ра-бан! Если отсюда так слышно, то рядом наверняка можно оглохнуть. Думаю, они используют этот прием и в бою, а, Дагон?

Финикиец улыбнулся:

– Да, они любят пугать.

– Если ты, Рамзес, пойдешь говорить с Антифотом, – сказал Гектор, – то разумно будет мне пойти с тобой: во-первых, так безопаснее, а во-вторых, я хотел бы посмотреть на лестригонов поближе.

– А я? – спросил Ахилл удивленно. – Похоже, ты хочешь, чтобы я остался, так, брат?

Вместо Гектора, задумчиво смотревшего в сторону равнины, ответил Рамзес:

– Я уверен, что они не собираются показывать нам Каррика – его явно нет среди свиты Антифота. К чему же мы будем показывать своего бойца? Нет, Гектор прав – тебе не нужно идти с нами. У меня другой вопрос: издали плохо видно, но, по-моему, они идут в боевом облачении. Стоит ли нам надевать доспехи? Я совершенно уверен, что сейчас никакой битвы не будет: Антифот слишком дорожит задуманным зрелищем – поединком великанов, чтобы сорвать его.

– А если он вовсе не задумывает поединка, а собирается убить тебя, Великий Дом, чтобы лишить египтян властителя и военачальника? – предположил Ахилл. – А ты доверчиво выйдешь к нему без оружия и доспехов! Он же не знает тебя в лицо. Пошли вместо себя кого-то из своих военачальников.

Фараон покачал головой:

– Стыдно! Ты сам бы не сделал так, сын Приама, и Гектор бы так не сделал. И я не сказал, что пойду без оружия – оно будет у охраны. А я иду не биться, а говорить с ними.

⁹ То есть за один месяц.

Произнося эти слова, Рамзес с помощью рабыни надевал поверх легкой набедренной повязки широкую белую рубашку и пояс. Амен-Ка надел ему на шею золотое ожерелье с синей эмалью и черным скарабеем посередине.

– Что до поединка, – продолжал говорить фараон, поводя плечами под тяжелым грузом сверкающего металла, – то я не сомневаюсь: он будет. Этого Антифот хочет сильнее всего – многие из побежденных им народов отступали без сражения, такой ужас наводила чудовищная сила Каррика и легкость, с которой он убивал самых могучих воинов. Нет, нет, Амен-Ка, парика не надо – это не праздничное шествие. Я же не брею голову наголо, так что вполне могу надеть урей на собственные волосы и платок.

Гектор повернулся, чтобы идти к своему шатру.

– Что до меня, – бросил он через плечо, – то я доспехи все же надену – мало ли что...

В прибрежной крепости, куда корабли Сети привезли не так давно троянского царя и его спутников, Гектору, Ахиллу и Пентесилее подарили новое воинское облачение, изготовленное египетскими мастерами точно по их росту и с удивительным мастерством копирующее троянские доспехи. Даже конская грива была укреплена в высоких гребнях шлемов, что очень насмешило Пентесилею: амазонки никогда не носили подобных украшений и не понимали, для чего это нужно.

Надевая мощный кованый нагрудник, выложенный внутри бычьей шкурой, Гектор улыбнулся – воспоминание о Трое, о войне взбудоражило его, будто хороший глоток старого крепкого вина. А ведь были и битвы во главе восставшего против египтян войска нубийцев, и ливийский поход с его отчаянными схватками, но все это не вызывало в душе героя такой резкой и острой дрожи, как память о Троянской войне, пробужденная прикосновением к телу доспехов, столь похожих на прежние. Даже шлем сверкал, как зеркало, украшенный червлёным луком и стрелой – символами Аполлона, бога-покровителя Трои и всех потомков царя Ила.

Барабаны лестригонов умолкли, когда между ними и египтянами осталось не более ста шагов. Люди бездны, всего семеро, стояли небольшим полукругом, плечо в плечо. Однако было вовсе не трудно определить с первого взгляда, кто их предводитель – над его шлемом торчали два кованых прямых рога, выкрашенных ярко-красной краской – казалось, будто они окровавлены. Это и был царь Антифот.

Рамзес со свитой не спеша подошли вплотную, спокойно разглядывая завоевателей.

Лестригоны, действительно, оказались высоки ростом – почти все выше рослого фараона, а Антифот был вровень с Гектором и выглядел даже больше, благодаря своему рогатому шлему. Могучие торсы и мощные ноги, широченные плечи воинов, их осанка, выдававшая уверенность и силу, – все это могло внушить страх уже при первом взгляде на пришельцев.

Доспехи лестригонов тоже производили нешуточное впечатление. Они состояли, прежде всего, из кованых панцирей – именно панцирей, потому что это сооружение нельзя было назвать нагрудником – то была толстая железная скорлупа, сделанная из двух половинок – передней и спинной, соединявшихся кожаными застежками на боках и плечах. Панцирь закрывал грудь и спину до талии, ниже был пояс, толстый, усаженный крупными железными бляхами с толстыми шипами, а от пояса опускалась до колен кожаная юбка, широкая, вся обшитая полукруглыми железными пластинами. Такая же пластинчатая броня прикрывала и руки воинов. На ногах они носили не сандалии, а высокие краги, также обшитые шипастыми бляхами. Шлем, круглый, толстый, надевался поверх кожаной шапки, которая переходила в защищающий затылок и шею широкий нашлемник, покрытый той же железной чешуей, что и юбка, и застегивающийся пряжкой под подбородком. Таким образом, тело лестригона оставалось почти целиком неуязвимо, во всяком случае, для пущенных издали стрел. Тут же приходило на ум, какова сила воина, способного оставаться подвижным и сражаться, таская на себе эту грудку железа, весившего едва ли не столько же, сколько сам

воин... И ко всему этому приходилось прибавить вес оружия: каждый из лестригонов держал в руке по здоровенному копьё с широким наконечником, у пояса висел меч, способный напугать своими размерами, в ножнах из толстой свиной кожи, а рядом с мечом – булава, весившая, пожалуй, около двух талантов¹⁰. Она была целиком железная – шар, размером с голову взрослого мужчины, усаженный треугольными шипами, и рукоять – толстый железный стержень длиной в два локтя. Кроме того, на правом боку у каждого болтались по две-три малые метательные булавы, раз в пять меньше большой. Ни у кого не оказалось щита, но Гектор сразу подумал, что воины, скорее всего, просто не взяли их с собой, желая лучше показать все остальное.

Доспехи лестригонов были без украшений, без насечек и золочения. У всех, за исключением царя: с его нагрудника смотрела странная морда, не то козла, не то сатира, оскалившая огромные волчьи зубы.

Египтяне и Гектор старались лучше разглядеть лица пришельцев, однако этому мешали надвинутые до переносиц шлемы и края кожаных шапок-подшлемников. Было видно только, что бороды у лестригонов довольно странные: чисто выбритый подбородок, но густая щетина на висках и вокруг лица (Гектору сразу вспомнились огромные обезьяны с собачьими мордами, у которых бороды выглядели примерно так же. Эти обезьяны доставили путешественникам немало неприятностей во время перехода через Черную землю).

– Привет царю Нила от царя великих, непобедимых лестригонов!

Голос Антифота оказался неожиданно глубоким и звучным: сочный, низкий, он был так выразителен, что в первый миг казалось, будто за спиной огромного и тяжелого чудовища говорит кто-то другой. Он говорил по-финикийски, сносно владея этим языком, лишь иногда путая окончания слов.

– Здравствуй, хвастун и царь хвастунов! – ответил Рамзес Третий, перебросившись с Гектором быстрым взглядом. – Моя страна называется не так, как ты ее назвал, и если я, в свою очередь, ошибся с названием твоего народа, прошу на меня не обижаться. Я получил твое послание, знаю, для чего ты здесь, и не спрашиваю, чего ты хочешь – мне это известно. Хочу лишь уточнить место, время и прочие мелочи. Слушаю тебя.

Антифот улыбнулся довольно странной улыбкой – его губы не изогнулись углами вверх, а как бы растянулись вширь, и верхняя губа приподнялась, открывая крепкие передние зубы, крупные и желтые.

– Я пришел, чтобы взять твою страну, царь, – сказал он спокойно. – Я знаю, что она большая, и моим воинам трудно пройти ее всю. Мы пройдем, сколько сможем. Ты выступишь послезавтра, на рассвете, своего воина против моего. С нашей стороны будет сын моей сестры, Каррик. Если твой воин убьет его, я уведу отсюда мои корабли и всех моих людей и никогда, покуда жив я, и покуда будет жить тот, кто меня сменит, лестригоны не подойдут даже близко к вашим берегам. Я клянусь в том именем и властью нашего бога и покровителя – всемогущего Фсатана!

С этими словами царь лестригонов прикоснулся ладонью к изображению зубастого козла-сатира на своем нагруднике.

– В-вот, он какой! – на своем языке прошептал Гектор. – Да и каким же еще ему быть?

– Если же Каррик убьет твоего воина, – продолжал говорить Антифот, – а так оно и будет, потому что иначе не может быть, тогда, царь Нила, решай сам – или сразу отвести свою армию и попробовать скрыться в глубине твоей страны, куда мы, быть может, не дойдем, или принять бой здесь. У меня полторы тысячи воинов, я надеюсь, ты соблюдаешь условия и привел столько же. Мои воины разобьют твоих, и тогда мы все равно возьмем твою страну. Вот и все, и это я уже написал тебе в послании. Ты хочешь что-то добавить?

¹⁰ Талант – древнегреческая мера веса. Аттический талант – 26,196 кг.

Рамзес, к чести его, не только не переменялся в лице, слушая этот поток неслыханных для царского достоинства оскорблений, но даже чуть улыбнулся в свою очередь, показывая тем самым, что речи лестригона его веселят, а не гnevят. Он, скорее всего, собирался сказать в ответ что-то шутовское, но промедлил, и его опередил Гектор.

– Кое-что хочу добавить я, – сказал царь Трои, тоже по-финикийски. – Во-первых, места для битвы трех тысяч человек здесь недостаточно. Мы отойдем сегодня же еще на пять стадиев. Пространство, таким образом, станет больше. Но мы перенесем только шатры, войска, наше и ваше, подойдут ближе. Когда поединок закончится, мы сможем поступить в зависимости от его исхода. Если ваш воин будет убит, мы понаблюдаем, как вы отплываете. Если погибнет наш боец, фараон сам решит – тут же вступать в сражение, и тогда оставленное за нами пространство станет достаточным для маневров и, если нужно, для отступления, или отвести войска к шатрам: в этом случае, покуда вы готовитесь к походу, мы успеем снять шатры и уйти как можно дальше. Думаю, я все сказал точно.

Антифот слушал внимательно и даже напряженно. Его близко поставленные, очень темные глаза постепенно наливались каким-то странным огнем. Он впивался взглядом в лицо троянца, даже сделал к нему шаг, но все это ничуть не смутило героя.

– Как твое имя? – спросил лестригон, когда герой замолчал.

– Меня зовут Гектор.

Жесткие губы царя завоевателей немного дернулись.

– О-о-о! – протянул он то ли изумленно, то ли негодуя. – Тот самый?

– Я не знаю, про какого ты слышал, а значит, не знаю, тот я или не тот, – последовал ответ.

– Слышно было только про одного! – сказал Антифот и, сделав еще один шаг, оказался совсем вплотную, почти на расстоянии вытянутой руки. – Так, значит, правду говорят, что ты не погиб в своей Трое. Ну, я рад! Значит, ты и будешь драться с сыном моей сестры, Карриком?

– Нет, – твердо произнес Гектор. – С Карриком будет драться мой младший брат. Его имя Ахилл. Уж о нем-то ты наверняка слышал, раз слышал обо мне.

– Еще бы! – голос Антифота выдал некоторое смущение. – Как не слышать! Только с каких это пор он твой брат?

– С тех самых пор, как моя мать, царица Гекуба, родила его от моего отца, царя Трои Приама. Надеюсь, это противник, достойный твоего знаменитого племянника, великий царь великих лестригонов!

Гектор имел опыт в переговорах с варварами, и его голос был так невозмутим и настолько не выдал насмешки, что Антифот ее не заметил. Его рот опять расширился в той же странной улыбке.

– Впервые сын моей сестры сможет гордиться именем того, кого он убьет! – проговорил царь лестригонов. – Но почему вы, троянцы, или как вас там, сражаетесь на стороне нильцев?

– Мы сражаемся на стороне египтян, – сказал Гектор ровным голосом, – потому что понимаем, как важно уберечь Ойкумену от ваших дальнейших нашествий, Антифот. Это главное, остальное не имеет значения.

Лицо лестригона на миг, только на миг выразило ярость. Потом он глухо произнес:

– Великий Фсатан говорил нашим предкам, что когда-нибудь люди станут объединяться против него и его слуг. И мы должны истребить их как можно больше, пока они не объединились слишком большим числом. Хорошо, Гектор! Раз противником Каррика будет сам Ахилл, я не вижу насмешки в приготовленном вам подарке. У вас ведь нет такого оружия, как у нас. Вы все умеете делать хорошо, кроме оружия. Тут нам нет равных. Бери.

С этими словами Антифот обернулся, и двое из его свиты что-то подняли с земли и подали ему, а он непринужденным движением вложил этот предмет в руку Гектора. Царь Трои сжал толстую рукоять и понял, что ему понадобится вся его сила, чтобы не дать руке дрогнуть и спокойно опустить поданное ему оружие. То была гигантская булава, в два с половиной раза больше и куда тяжелее, чем те, которые висели на поясах лестригонов. Мелкие метательные палицы выглядели рядом с нею просто гвоздями... Это чудовище весило около пяти талантов.

– У Каррика будет такая же, – сказал Антифот. – Оружие должно быть равным. Кроме того, у него будет меч, чуть больше моего.

– Чудесно! – Гектор улыбнулся. – А я только собрался спросить тебя, каким будет оружие. – Спасибо за подарок.

Антифот продолжал смотреть ему в лицо, уже не видя ни фараона, ни своей свиты. То ли взгляд троянца заворожил его, то ли он сам пытался внушить ему трепет своим змеиным взором.

– Твой брат сильнее тебя? – спросил наконец лестригон.

– О да! Во много раз. Это пугает тебя? Или... – тут голос Гектора стал очень мягок, – или ты на это надеешься, царь?

Антифот чуть заметно усмехнулся.

– Хо! Ты шутишь. Это хорошо. Каррик тоже сильнее меня. Но посмотри...

Тут он неторопливо отцепил от своего пояса одну из метательных булав. Охрана фараона разом взялась за мечи, но лестригон даже не заметил этого. Одним резким и упругим движением он согнул почти пополам железную рукоять толщиной в два пальца и протянул искореженное оружие Гектору.

– Вот. Тебе это нравится?

– Хм! – Гектор взял булаву и повертел ее в руках. – Ну, а эту? – он указал глазами на большую боевую булаву Антифота. – Эту можешь?

Царь лестригонов расхохотался.

– Нет! А Каррик может.

– И Ахилл смог бы. Только у нас это не принято. Ломать оружие перед битвой – дурной знак. Запомни это, царь великих воинов. На, возьми.

Вложив в рывок всю свою силу, Гектор распрямил рукоять метательной булавы и протянул ее Антифоту. Тот взял, взглянул, нахмурился.

– Тебе все же понадобилось на это больше сил, чем мне на то, чтобы ее согнуть.

Гектор кивнул:

– Конечно. Восстанавливать всегда тяжелее, чем разрушать, однако ты этого не знаешь, потому что всю жизнь только разрушал.

Фараон и его свита молча наблюдали за этим поединком и видели, что Антифот проиграл его. Рамзес спокойно торжествующе улыбался.

Заметив его улыбку, царь лестригонов помрачнел.

– Твой брат надеется убить Каррика, – сказал он глухо, по-прежнему обращаясь к одному только троянскому царю и будто не видя фараона. – Он надеется на это, ибо Каррику предсказано, что его убьет лишь тот, кто умер и вернулся из Царства мертвых... Ничего не выйдет! Ты, в свою очередь, не надеешься ли убить меня, Гектор?

Троянец пожал плечами.

– Кто знает, Антифот, кто знает!

– Мой повелитель, великий и всемогущий Фсатан знает это! – крикнул лестригон, впервые обнаружив ярость. – У меня тоже есть предсказание колдунов, и оно отнимает у тебя всякую надежду. Всего год назад мне сказали, что нет на свете мужчины, который смог бы убить меня!

Говоря это, он топнул ногой, и на плотной земле появилась вмятина, так тяжел был гигант, закованный в железные доспехи. Гектор как-то странно взглянул на эту вмятину и вдруг рассмеялся:

– Значит, предсказаниям в отношении Каррика ты не веришь, царь, а в отношении себя предпочитаешь верить? Ну, будь по-твоему. Мы не станем спорить. Послезавтра на рассвете все увидят, так ли велик твой бог... О, Великий Дом, ты хочешь еще спросить о чем-то?

– Ты обо всем спросил за меня! – твердо проговорил Рамзес, тоже улыбнувшись. – Мы уходим и относим лагерь назад, как было уговорено. А послезавтра все решится. И уже на своем языке добавил: – Забирай эту жуткую палицу, Гектор, не то мои воины унесут ее разве что втроем...

Глава 5

Вернувшись в лагерь, фараон и его спутники застали удивительное зрелище, которым любовались, столпившись кругом, человек триста египетских воинов. Ахилл и Пентесилея занимались боевыми упражнениями. Он – в одной набедренной повязке, она – в своей черной тунике, оба вместе они являли очень забавное сопоставление, ибо рядом с громадной фигурой мужа рослая амазонка выглядела маленькой и хрупкой. При этом оба работали настоящими боевыми мечами, что во время упражнений могут позволить себе только бойцы, владеющие оружием в совершенстве, иначе любое чуть неверное движение окажется смертельным для того или другого. Он и она двигались с одинаковым проворством, меняя позиции, сходясь и расходясь так молниеносно, что за ними едва можно было уследить, а движения их рук и мечей сливались в сплошное мелькание и сверкание. Лишь иногда раздавался лязг, лезвия сшибались, на долю мгновения замирали, соприкоснувшись, потом разлетались, как огненные птицы, и снова бешеная скорость схватки, почти настоящей, почти смертельной, лишала зрителей возможности видеть выпады и смену позиций сражающихся.

Они дрались уже почти час, но в движениях не было заметно усталости, только дыхание обоих участилось, сделалось слышнее.

Рамзес, перед которым воины сразу расступились, едва кто-то заметил его приближение, тоже некоторое время смотрел на эту удивительную битву.

– Даже без доспехов! – изумленно сказал фараон подошедшему к нему Гектору. – При такой скорости боя они же изрежут друг друга!

– О, нет! – возразил Гектор, тоже любуясь братом и его женой. – Это – два лучших воина, каких я когда-либо видел. Оба могут мечом рассечь яйцо, не поранив птенца. Эй, Ахилл, Пентесилея, да остановитесь же!

– Стоп! – скомандовал Ахилл. – Закончили.

И оба разом замерли, вскинув мечи.

– Прости, Великий Дом, что мы тебя не сразу заметили, – сказал, улыбаясь, Приамид-младший. – В обычном бою я слежу за тем, что происходит вокруг, но учебный бой предполагает сосредоточенность только на противнике. Спасибо, жена! Ну, ты меня и загоняла...

– По-моему, ты продержался бы в два раза больше! – воскликнула амазонка, поправляя гребни, воткнутые в косу. – Это я уже почти падаю. Вечером будем работать в доспехах?

– Да. После захода солнца, при факелах. До поединка меньше двух суток. Гектор, будешь упражняться с нами вместе?

– Буду, – ответил старший брат. – А сейчас вы оба нужны нам. Надо все обсудить. Ты ведь сейчас прикажешь переносить шатры, Рамзес? Пока воины относят их дальше от моря, мы могли бы позавтракать, если ты, конечно, согласишься разделить с тобой завтрак.

Фараон пристально посмотрел на троянского царя и, оставив уже приготовленные слова возражения, хлопнул в ладоши. Подбежал Амен-Ка с охранниками, Рамзес отдал несколько приказаний. Затем, когда воины бросились их исполнять, сказал:

– Я понял со времен ливийского похода, что ты – великий полководец, Гектор, и тебе нужно доверять полностью. Но не хочу действовать, не понимая, что делаю, для чего приказываю. Мне не понятно, зачем нужно относить шатры – пространство и так очень широкое. Колесниц у нас немного, им будет где развернуться. Значит, место освобождается для чего-то другого. Что ты затеял?

– Объясню во время завтрака, – сказал Гектор, почему-то хмурясь. – Думаю, ты был прав: драться с тысячей лестригонов – это все равно, что драться с десятью тысячами. Что

ж, посмотрим... Брат, это тебе подарок царя Антифота! Я его едва дотащил. Такая же штука будет у Каррика. И еще меч, наверное, под стать этой штуке.

Ахилл взял из рук старшего брата громадную булаву, с видимым удовольствием осмотрел ее, подкинул, поймал в воздухе, повертел вправо и влево.

– Отлично уравновешена. Если драться ею долго, рука начнет уставать. Возможно, Каррик сильнее меня. Но не намного, не то палица была бы тяжелее. Ладно. Что там кричит Амен-Ка? Кажется, уже готов завтрак.

Шатер фараона был снят вместе с другими, и воины натянули легкий навес среди росших поблизости смоковниц. Под навесом поставили стол, походные кресла. Темнокожая рабыня с помощью еще двоих рабов умело расставила блюда, кубки, кувшины с водой и вином. Поскольку лагерь только что был перенесен от прибрежной крепости, повар Рамзеса не успел приготовить никаких изысканных блюд, но фараон не был придирчив в еде, особенно в условиях похода. На завтрак подали около дюжины голубей, подстреленных и зажаренных еще накануне, испеченную в золе рыбу, сушеные сливы и ломтики лимона в чашках сладкого тростникового сока. Ячменные лепешки были только что испечены – они слегка дымились.

– Прости, о Великий Дом! – воскликнул повар, простершись перед повелителем на пыльной земле и поднимаясь на ноги. – Нет ни свежего мяса, ни молока, которое ты любишь пить по утрам. Поганые лестригоны, которые торчат тут уже пятнадцать дней, обещали не трогать египтян до твоего приезда, до поединка их хваленого Каррика с нашим богатырем. Но успели отобрать у местных селян уже четыре стада коров и овец. И ведь все пожрали! У их кораблей влеют в загоне всего десятка три овечек... Этих псов, как нам сказали, полторы тысячи воинов, а скота нагнали, как на большую армию! Если посчитать, выходит, что каждый из них за день жрет чуть не по четверти коровы! А еще, сколько муки отняли у землепашцев, да овощей, да плодов... Хоть они и громадины, но куда же это в них столько влезает?!

– Это уже сказки какие-то, Суфи! – сердито поморщился Рамзес. – Стада здесь по четыреста-пятьсот голов. На пяти тысячную армию хватило бы того, что они, по твоим словам, увели. Придется потом спросить с номарха, не удерживает ли он из царского сбора¹¹, ссылаясь при этом на обжорство лестригонов! И отвыкни наконец валяться на грязной земле перед тем, как прислуживать за столом. Мне приятнее есть пищу без песка в каждом блюде, даже если при этом я не получу всех причитающихся почестей.

С этими словами фараон принялся за еду. Троянцы тоже не стали терять время даром. Рабыня налила в кубки вина, у которого был замечательно тонкий запах.

– Это местное, – сказал Рамзес, с удовольствием выпивая второй кубок. – Прибрежные жители им очень гордятся. Хорошо, что лестригоны, судя по всему, равнодушны к вину – им хватает гнусных грибов демона. Ну, Гектор, говори наконец – что ты думаешь об этих людях, что означает твоя затея с перенесением лагеря? Прежде всего, раз ты думаешь о битве, то либо не веришь в победу Ахилла над Карриком, либо полагаешь, что в случае гибели Каррика Антифот не сдержит слова – не уплывет отсюда. Ну? Первое или второе?

– А ты как думаешь, о Великий Дом? – чуть усмехнувшись, спросил царь Трои.

– Думаю, ты не веришь Антифоту.

– Не верю. С самого начала не верил. И ты думаешь так же, как я.

Гектор отпил вина из кубка, скользнул глазами по сновавшим мимо их навеса воинам, которые деловито переносили оружие и скарб на новое место, потом снова в упор взглянул на фараона.

¹¹ Налог, который взимался в личную казну фараона.

– Сколько воинов ты привел сюда, о Великий Дом? – спросил он тихо. – Неужто и вправду полторы тысячи, как требовал Антифот в своем письме?

Рамзес высокомерно улыбнулся:

– Не унижусь же я до обмана, тем более перед варваром! Конечно, со мной пришли полторы тысячи воинов. Лучших воинов, ты сам их видел, царь. Но, – тут губы фараона чуть покривились в усмешке, – половина гарнизона крепости южной дельты вышла следом за нами и стоит в одном переходе отсюда. Это еще тысяча человек. Просто из предосторожности.

– А не мало? – спросил Ахилл, до того молча поглощавший еду и скромно пивший воду (вино он только попробовал – даже не допил свой кубок до конца). – Не мало ли людей, Великий Дом? Лестригонов-то больше!

– Ты тоже заметил, да? – быстро спросил Гектор брата.

Ахилл кивнул.

– Утром, когда мы сюда приехали, я успел прогуляться к заливу.

– О чем вы? – почти резко спросил фараон. – Что за загадки? Если у меня две с половиной тысячи воинов, то как лестригонов может быть больше?

Приамид-младший еще раз глотнул из своего кубка и посмотрел его на свет. В зеленоватом стекле красное вино казалось лиловым.

– Антифот говорит, что у него полторы тысячи бойцов, – негромко произнес герой. – И ты веришь, о фараон?

– Верю, но не на слово! – еще более жестко, почти с раздражением воскликнул Рамзес. – Мои лазутчики тоже побывали там на рассвете. Лестригонов действительно ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ!

– В том, что столько видели твои лазутчики, нет сомнений, – заметил Гектор. – Но ВСЕХ ли они видели?

Рамзес вздрогнул.

– Но там же негде спрятаться! – сказал он, почему-то почти шепотом. – Скалы низкие, пещер и ущелий нет. А корабли лестригонов стоят пустые.

– Вот-вот! – проговорил Ахилл. – Они стоят ПУСТЫЕ. А кто-нибудь обратил внимание, КАК ГЛУБОКО они при этом сидят в воде?

Прошло немало времени, прежде чем до ошеломленного фараона дошло, ЧТО означают эти слова троянского героя. Как ни смугла была кожа Рамзеса, пунцовая краска, хлынувшая на его лицо, поглотила даже эту густую смуглоту.

– Могучий Гор! – взревел фараон, вскакивая. – Но этого не может быть! Они не могли придумать такого!

– Так обычно и бывает, – заметил Гектор. – Стоит недооценить врага, как он выигрывает. Все считают лестригонов безмозглыми убийцами. Скорее всего, так и есть. Но ПОЧЕМУ они такие? Потому что гнусный демон, обративший людей бездны в своих слуг, веками ломал их естество, убирая из него все лишнее, все, что мешает тупо убивать. А все, что этому помогает, напротив – развивалось, стремясь к совершенству. Ведь таковы и звери. Вот крокодил...

Тут царь Трои с некоторой опаской глянул на фараона, вдруг вспомнив, что у египтян среди прочих богов-чудищ есть бог-крокодил Себек. Однако Рамзесу было вовсе не до показного почтения.

– Вот крокодил, – повторил Гектор. – Кажется, что он нелеп, очень странно скроен, и если сравнивать его с лошадью, например, то просто урод. Умным он тоже быть не может. Но есть ли среди существ, обитающих в реках и болотах, существо более совершенное, есть ли создание, лучше приспособленное для нападения и убийства в воде? Крокодил идеален, если рассматривать его как убийцу.

– Брат, тебе бы стать поэтом! – воскликнул Ахилл и, несмотря на всю серьезность разговора, подавился смехом. – Вот сравнение так сравнение! Лестригоны и крокодилы!

– Будь я крокодилом, я бы обиделась, – заметила Пентесилея, до сих пор молча слушавшая мужчин.

– И как только я пять лет не замечал, что женат на крокодиле! – Ахилл поморщился. – Что-то нас понесло... Дошутимся!

Но Гектор словно не заметил этих слов. Он смотрел в горящие гневом, полные скрытого страха глаза фараона и продолжал:

– Лестригоны – совершенные убийцы. В их телах все приспособлено для боя. В их сознании тоже нет ничего лишнего – страха, сострадания, жалости, возможно, любви... Нет представления о красоте, нет места для сомнений. Но зато все занято искусством войны. Их изобретательность здесь огромна.

– Но для того, чтобы создать корабль с двойным дном, если только это действительно так, – Рамзес все еще с трудом верил в страшное открытие троянцев, – чтобы создать такой корабль, изобретательности мало. Тут нужны знания, немалое образование, нужно уметь делать расчеты!

– А паук, по-твоему, умеет делать расчеты? – парировал Гектор. – Однако его сеть при этом – великолепное сооружение. В горах Черной земли мы с Ахиллом едва не стали мухами для одного «паучка» и любовались совершенством его сети вблизи! Увеличенная в десятки раз паучья сеть представляет собой великолепное зрелище. Бр-р-р! Паук – тоже идеальный убийца... И потом, мы ведь знаем, что лестригоны используют труд пленных, рабов. Разве не мог создать такой корабль кто-то из пленников? Не сам корабль, а идею корабля? Сделать расчеты, в конце концов?... Так или иначе, это было сделано! Вот поэтому «гости» и едят так много. Их просто в два раза больше, чем мы думали.

– Но они здесь уже четырнадцать дней! – снова высказал сомнение фараон, пытаюсь успокоиться. – Нельзя же столько времени просидеть взаперти!

– А они и не сидели! – ответил за брата Ахилл. – Ночами они все могут быть на берегу. Кто спит в этих дурацких шатрах, кто снаружи. А днем, я думаю, те, которые в предыдущий день прятались в нижней части кораблей, остаются на свежем воздухе, а остальные скрываются. При их выносливости это не так трудно.

Повар фараона Суфи убрал со стола блюда и тарелки, сменил опустевший кувшин вина на полный.

– Значит, лестригонов может оказаться три тысячи, а то и больше... – глухо сказал Рамзес и, не дожидаясь ответа, спросил, в упор глянув на Гектора, понимая, что окончательное решение примет именно он: – Что ты посоветуешь сделать, царь?

– Тут уже нечего советовать, – спокойно ответил герой. – Остается победить или погибнуть. Или, – он чуть усмехнулся, – сегодняшней ночью позорно бежать, прикрываясь темнотой. Возможно, Антифот именно этим намерением объяснил мое желание отнести лагерь дальше. Он только и ждет этого. Потому что тогда его уже ничто не удержит. Нет, Рамзес, совет может быть только один: сражаться. Другое дело, КАК.

– И как? – голос фараона дрогнул. – Я могу успеть за эти два дня послать гонца в крепость, из которой мы приехали, тогда воины гарнизона придут нам на помощь. Но их всего восемьсот человек. Это – маленькая прибрежная крепость.

– А что дымится позади нас, за мысом? – спросил Гектор. – Мы проплывали на корабле мимо каких-то сооружений.

Фараон пожал плечами:

– Там всего лишь складские постройки. Лен хранится, если не ошибаюсь. Пенька. А рядом сооружают торговые корабли, рыбачьи лодки – эти места знамениты рыбным промыслом, как, впрочем, и вся дельта. Поэтому там построены смоловарни. Но людей мало, и

это просто мастерские. Воинов там десятка два – склады охраняют. На берегу, в поселках, живут рыбаки, четыре-пять сотен человек. Но эти умеют только складно грести и кидать сети, а меч многие в руках не держали, иных даже не призывали служить во время войн: их дело – снабжать города рыбой. Проку от них никакого.

– Все одно к одному! – прошептал Гектор, и на его лице вдруг появилось какое-то страшное выражение. – Ну что же, они сами того хотят!

– В чем твой замысел? – спросил Рамзес, вновь поднимаясь из-за стола и растерянно подставляя руки под наклоненный рабыней кувшин с водой. – Ведь ты что-то задумал еще во время разговора с Антифотом.

– Ну да... – голос Гектора звучал странно, и Ахиллу, знавшему его лучше всех, послышались в этом голосе смущение и растерянность. – Я понял, что нужно сделать, в то мгновение, когда Антифот топнул ногой.

– Объясни...

– О, нет, нет! – вдруг почти с испугом воскликнул герой. – Если можно, завтра. Лучше мне сейчас не говорить о задуманном и до поры даже не думать, не то я не решусь довести это до конца.

Он нахмурился, на несколько мгновений отвернулся, вертя в руке стеклянный кубок и не замечая, что остатки вина стекают на край его туники. Потом резко поднял голову и вновь взглянул на фараона.

– Сейчас же пошли в прибрежную крепость за воинами. Отправь людей нарубить длинных шестов – лучше всего стволы молодых пальм, не толще руки... Их нужно около тысячи. И три-четыре воза больших пальмовых листьев.

– Я, кажется, угадал твой замысел! – воскликнул Рамзес. – Ты насмотрелся в Черной земле на ловушки, которые дикари устраивают для буйволов и бегемотов. Уж не собираешься ли ты вырыть ямы, воткнуть в их дно колья, закрыть пальмовыми листьями и ждать, что лестригоны туда попадутся?

Гектор засмеялся:

– Я не так наивен. Даже если бы они в такие ямы попали, что проку? Их панцири прочнее шкуры бегемота. Нет, фараон, замысел другой. И кроме перечисленного нужно еще кое-что. До заката я хочу знать, сколько уже отстроенных кораблей стоит у той верфи, мимо которой мы проплывали.

– До заката не успеть, – возразил совершенно озадаченный Рамзес. – Туда на колеснице полдня пути.

– На колеснице, но не верхом, – вмешалась вновь долго молчавшая Пентесилея. – Я успею, Гектор.

Глава 6

В тот день рассвет не спешил наступать. Будто беспечная богиня Эос заснула крепче обычного и запоздала открыть ворота солнцу.

Утренний сумрак, растворенный в едва угадываемом свете, уже сочившемся с востока, казался гуще ночной темноты. И когда пологий скат берега осветили сотни вспыхнувших один за другим костров, слабый проблеск зари на горизонте совсем поблек.

Костры, небольшие, похожие на мохнатых рыжих зверьков, покрыли весь берег. Они располагались сетью, на расстоянии в двадцать пять локтей один от другого, и горели так ярко, что вначале вся равнина стала видна, будто днем. Но вскоре от костерков, что зажгли в расставленных на земле глиняных горшках, повалил густой темный дым, и все заволочло этим дымом. Ветра почти не было, его слабые дуновения лишь разносили серое облако все шире, раздували его крылья до самого залива, куда уже не доходил свет, где во мгле, над тусклым блеском воды чернели низкие громады лестригонских кораблей.

Египетские воины заняли позиции на расстоянии четырех стадиев от вражеских шатров, выстроившись тремя линиями, в виде раскрытого треугольника с сильно срезанной вершиной. Средняя линия состояла из трех рядов – впереди боевые колесницы, за ними – лучники в легких доспехах, за лучниками – воины-шерданы, с мощными серповидными мечами, защищенные прочными щитами и латами. Крылья треугольника представляли собой каждый по два ряда тех же шерданов, но, в дополнение к мечам, у них были легкие метательные копья.

Лестригоны покинули свои шатры тоже затемно, однако костров не зажгли. В полутьме лишь тускло отсвечивали их доспехи, да мерцали наконечники копий. Завоеватели встали тремя плотными рядами, образовав полукруг. Едва построение закончилось, глухо зарокотали барабаны. Рокот все нарастал, заполняя воздух гулкой дрожью. Сперва били три барабана, затем к ним присоединились еще три. Их жуткий грохот разносился на много стадиев вокруг.

Оба войска стояли, не двигаясь, ожидая рассвета.

Наконец восток расплавился тонкой алой чертой, и она стала расти, окрашивая небо своей прозрачной кровью.

Барабаны вдруг умолкли.

– Пора, – сказал Гектор.

Ахилл кивнул, привычным движением надел шлем и застегнул ремешок.

Накануне вечером братья впервые за все последние дни заговорили о том, что мучило их обоих. Об известии, что передал троянскому царю фараон.

– Если это правда, – сказал Ахилл, – и Андромаха с Астианаксом в Эпире, – значит, их увез туда Неоптолем...

– А кто же еще! – Гектор старался говорить бесстрастно, но его голос выдал напряжение. – Скорее всего, мои жена и сын стали его боевой добычей.

– Проклятие! – вырвалось у Ахилла.

Гектор положил ему руку на плечо:

– Не надо. Твой сын не знал и сейчас не знает, что мы с тобой братья. Возможно, ему не сказали и о том, что мы были близкими друзьями.

– Андромаха не могла этого не сказать! – воскликнул Приамид-младший с горечью. – Она не успела узнать, что я – сын Приама и Гекубы, но кто лучше нее знал о нашей дружбе?

Гектор усмехнулся:

– Разве мнение пленницы, рабыни кому-нибудь интересно?

Ахилл твердо взглянул в лицо брату:

– А если окажется, что Неоптолем... Что он ее...

Он не договорил, умолк, но Гектор заговорил сам:

– Скорее всего, братец, так оно и окажется. Твоей вины в этом нет. А я лишь повторю уже сказанное: что бы ни случилось с Андромахой, она останется моей женой.

И совсем тихо добавил:

– Если, конечно, не полюбила другого.

– Будь покоен, Гектор, этого не случилось!

Братья резко обернулись. Они сидели возле своего шатра, перед костром, и не заметили, как неслышными шагами к ним подошла Пентесилея.

– Простите, я не подслушивала – просто услышала последние слова.

Женщина, наклонившись, подбросила в костер пару веток, и огонь заплясал синими сполохами в ее глазах.

– Ты напрасно думаешь, Гектор, – тихо сказала амазонка, – что женщина, если она слаба, не может постоять за себя. Твоя маленькая жена сильнее многих мужчин.

Гектор вспыхнул, то ли уязвленный такой откровенностью, то ли смущенный собственным сомнением.

– Я говорил не о насилии! – воскликнул он почти с досадой. – Я подумал, что она сама могла...

– Не могла! – еще жестче прервала его Пентесилея. – Измена – это и есть слабость. Мне кажется, Андромаха сильнее.

Гектор в изумлении посмотрел на жену брата.

– Но... она считает меня мертвым, Пентесилея! Она ВИДЕЛА мою гибель.

Амазонка усмехнулась:

– Она видела ее уже во второй раз, Гектор. Поэтому, скорее всего, снова не поверила. Доброй вам ночи!

Ахилл проспал последние четыре предрассветных часа, расстелив овчину прямо на земле перед шатром. Гектор ушел в шатер и тоже лег, но уснуть не смог. Герой спрашивал себя, из-за чего не спит: из-за страха за жизнь брата, которому предстоял страшный, возможно, смертельный поединок, или из-за того, что он, царь Трои, сын мудрого Приама, задумал и собирался осуществить?

Потом все эти мысли ушли. Великий воин и полководец вновь стал самим собою: единственное, что осталось в его сознании – четкая и реальная картина предстоящего боя (а он твердо знал, что бой произойдет при любом исходе поединка).

И вот они стоят друг перед другом: два войска, две силы, две воли. Два жребия лежат на весах богини судьбы.

Глава 7

Как только смолк грохот барабанов, от темных рядов лестригонов отделилась еще более темная масса (всем показалось, что это не фигура, а именно масса, если не бесформенная, то нечеткая, словно слепившаяся из полусумрака рассвета, неестественная во все более ярком зареве утра).

Каррик, а это был он, сделал пять или шесть шагов и встал, ожидая.

– Я пошел, – сказал Ахилл, соскакивая с колесницы и вертикально втыкая в землю свое копьё – по условиям поединка использовать копьё было нельзя. – Пускай «пелионский ясень» ждет меня: возьму его, когда вернусь.

Гектор, стоявший на той же колеснице, молча пожал протянутую руку брата. Все уже было сказано. На Пентесилею Ахилл бросил лишь один короткий взгляд и заметил, как непривычно низко надвинула она свой шлем – обычно амазонки перед битвой открывали лицо.

– Все боги Египта считают тебя победителем, великий Ахилл! – крикнул со своей колесницы фараон.

Герой не ответил.

Вблизи очертания фигуры Каррика определились. Он был противоестественно велик, почти на голову выше Ахилла, раза в полтора шире в плечах и в талии, с бедрами, похожими на гранитные глыбы. Это позволяла видеть нижняя часть его доспеха, чуть более короткая, чем у других лестригонов. При этом Ахилл заметил, что от колена ноги лестригонского великана куда тоньше: даже массивные краги не делали их громоздкими.

«Ага! – подумал Ахилл. – А он отличный кулачный боец, раз у него такие прыгучие ноги... Надо помнить об этом».

На огромной, сильно наклоненной вперед голове Каррика был такой же рогатый шлем, как у царя Антифота. С нагрудника смотрела та же козлиная морда демона. Лицо, полускрытое шлемом и заросшее до самых глаз коричневатой короткой бородой, показалось троянскому герою неподвижным, будто вырезанным из дерева. Только небольшие, глубоко, очень близко посаженные глаза, то ли бледно-зеленые, то ли бледно-желтые, ярко блестели, глядя живо и пристально. Каррик шел, все время подкидывая и ловя в воздухе свою чудовищную булаву, вертя ею в разные стороны, будто показывал, как ловко владеет оружием. Его щит висел на левом локте, чуть царапая краем землю, так он был велик.

Ахилл шагал, спокойно опустив руку с такой же булавой, так же повесив щит на локоть. Он уже оценил противника и видел, чего тот стоит. Более всего в пользу Каррика говорили его движения – плавные, почти по-кошачьи легкие, при всей неимоверной тяжести гигантского тела. Своим телом лестригонский богатырь владел идеально – это было в нем самое опасное.

Противники остановились шагах в тридцати друг от друга, на равном расстоянии от обеих армий, и еще раз пристально, тщательно осмотрели один другого. В пронзительном взгляде Каррика Ахилл прочел удовлетворение – он тоже оценил очевидную мощь троянца.

– Так ты и есть Ахилл? – спросил лестригон глухим и низким, почти хрипловатым голосом. Его финикийское произношение было ужасно, вероятно, куда хуже, чем у царя Антифота. – Ты и есть величайший из героев всех обитаемых земель?

– Я себя так не называл, – ответил троянец. – Мое имя – это мое имя, а прозвища меня не волнуют.

Лестригон усмехнулся – будто искры сверкнули в дебрях его бороды, и Ахилл подумал, что, кажется, зубы у него и впрямь остроконечные, как у волка.

– Я Каррик – сын Божьего врага, – сказал чудовищный воин глухо. – Я тот, кого не может убить человек. Тот, кто убьет тебя, великий герой.

– Хорошо, что ты сам сказал, чей ты сын, – Ахилл улыбнулся в ответ на волчью усмешку лестригона. – Я давно утратил желание убивать, но сейчас чувствую, что хочу тебя убить, Каррик!

– Начинаем? – спросил тот, в очередной раз ловя свою булаву.

– Начали.

Ахилл рванулся вперед со всей своей стремительностью, проверяя, какова реакция противника, и убедился, что она, вероятно, равна его реакции: Каррик встретил его занесенной булавой. Он успел бы ударить, если бы герой и впрямь собирался налететь на него. Но Ахилл в последний миг отскочил и заставил врага развернуться следом за собою. Противники оказались в двух шагах друг от друга, и первый удар, по силе равный падению горной лавины, скрестил их гигантские булавы. Два железных столба врезались один в другой, грохот огласил равнину. Затем столкнулись громадные щиты, и гром, подобный недавнему рокоту барабанов, заглушил все остальные звуки.

Каррик, используя преимущество роста, ударил не совсем прямо, а сверху, и Ахиллу понадобилась вся его сила, чтобы удержать свою булаву. Он даже перехватил ее обеими руками, сдвинув щит набок, и, сделав над собою страшное усилие, сумел, оттолкнувшись, отделиться от лестригона. Но тот не потерял равновесия и вновь замахнулся. Еще удар, снова грохот, искры и лязг. Оба богатыря рванулись в стороны друг от друга, понимая, что иначе булавы достанут цель, а для каждого из двоих удар другого означал верную гибель. Ахилл видел, что Каррик, скорее всего, сильнее его – не намного, но сильнее. Лестригон тоже почувствовал страшную силу противника и внезапно понял, что не может сразу смять и уничтожить его. Возможно, впервые грозный воин испытал что-то похожее на чувство смертельной опасности.

Дерущиеся понимали, что третье столкновение уничтожит их булавы – у обеих были уже расплющены шары и погнуты рукояти. Поэтому богатыри некоторое время кружили, делая обманные движения, на расстоянии четырех шагов друг от друга, и каждый пристально следил за движениями противника. Оба снова убедились, что обладают одинаковой быстротой реакции, а значит, тому и другому трудно рассчитывать на внезапный выпад.

Но вот терпению лестригона пришел конец – он прыгнул вперед, и его оружие взмыло над шлемом врага. Каррик не сомневался, что Ахилл успеет уклониться, и не рассчитывал разmozжить ему голову. Когда троянец выскользнул из-под удара, чудовищный воин резко изменил движение своей булавы, ударил сверху по отведенной булаве противника и этим ударом согнул ее пополам. Но Ахилл, вновь перехватив свое оружие двумя руками, рывком распрямил его. Каррику не могло прийти в голову, что у троянца хватит на это сил, а потому он не ожидал встречного удара. Два огромных усаженных шипами шара сшиблись со страшным грохотом и расплющились в лепешку.

Впервые дерущиеся нарушили молчание – у обоих вырвался яростный рев, оба отшвырнули погнутые, искореженные булавы и одновременно обнажили мечи. Меч Каррика был одной ширины с мечом троянца, но на два-три пальца длиннее. У лестригона имелось и еще одно преимущество: он был выше ростом, а главное, обладал необычайно длинными руками и за счет этого выигрывал расстояние при каждом выпаде.

Прежде чем вновь кинуться вперед, Каррик выставил меч перед собою и завертел им вправо-влево, вверх-вниз, с такой скоростью, что светлое лезвие исчезло: казалось, будто рука чудовищного воина оканчивается крутящимся кругом, сверкающим, мечущим молнии. При этом Каррик вновь заревел, раскрыв рот то ли в оскале, то ли в ухмылке, и стали видны его зубы, действительно полузаостренные, ровные, крупные, очень белые.

Вновь Ахилл чуть отступил, оценивая силы – свои и врага. Его не утратила игра лестригона с мечом – он сам умел так же вертеть оружием: этому искусству его обучил когда-то Хирон. Однако герой показывал такие приемы лишь во время упражнений и никогда не применял в бою, ибо они сразу выдавали врагу его возможности. Ахилл выдвинул вперед щит и стал медленно сближаться с противником. Он был уверен, что долго Каррик не сможет так вот крутить меч – как он ни могуч, но кисть все равно устанет. Верно, думает, что у врага не выдержат нервы. Ну, ну, пускай думает...

Вновь заревев, лестригон рванулся вперед. Щиты с грохотом сшиблись. Раз, другой. Мечи врезались в кованую медь, и через несколько мгновений оба щита, изрубленные, распались на части, будто цветочные лепестки.

Ахилл отпрянул, однако обезьянья рука Каррика, удлиненная мечом, достала его. Меч проткнул нагрудник и царапнул левый бок троянца. Герой ощутил горячую струю крови, сползавшую по бедру, и тут же, покуда меч врага скользил вдоль нижних пластин его доспеха, сделал стремительный выпад, изогнувшись дугой, и тоже достал Каррика. Конец меча вошел в ногу чудовищного воина чуть выше колена, и Каррик мигом отскочил. Укол едва ли мог быть очень болезненным, но равнину огласил безумный рев ярости – непобедимый воин впервые в жизни получил рану!

Снова великаны рванулись друг к другу, и на этот раз скрестили мечи. Лестригон попытался отбросить противника, швырнуть толчком на землю, но Ахилл, готовый к этому, собрал все силы и устоял. Однако, следя за правой рукой врага, яростно давившей на него, он едва не упустил из внимания его левую руку. Троянец опомнился в тот миг, когда длиннющие жилистые пальцы этой ручищи (кажется более длинной, чем правая) коснулись его шеи, нащупывая кадык. Успей Каррик сжать пальцы, поединок был бы окончен. Ахилл отшатнулся. Ему пришлось отдернуть и на миг опустить руку с мечом, и тотчас меч врага рубанул сверху вниз. Клинок троянца переломился.

Ахилл, в свою очередь, испустил бешеный вопль. В его руке оставался обрубок не длиннее ладони. Положение было самое отчаянное, но героя это, казалось, только вдохновило. Прыгнув вперед, он замахнулся обломком, будто собирался вонзить его в оскаленное лицо лестригона. Каррик взмахнул мечом, однако лезвие, описав дугу, воткнулось в песок, в то место, где только что стоял троянец. В какую-то долю мгновения Ахилл успел сделать кувырок назад и вновь вскочил на ноги, уже в пяти-шести локтях от лестригона. Каррик изумленно вскинул глаза, осмысливая этот невиданный прием, и тут же его оружие разлетелось на куски: Ахилл что есть силы ударил по нему одновременно ногой и обломком своего меча.

Каррик снова заревел. Его выводило из себя, что этот воин дерется С НИМ на равных! Это видят все – и враги, и свои...

Оба богатыря бросили рукояти мечей. Вновь отступили друг от друга. На этот раз Каррик тоже дышал тяжело и неровно. Тот и другой были в крови – у Ахилла она стекала тонкой струйкой из-под нагрудника, змеясь по левому бедру и лодыжке, у Каррика – текла, огибая багровым кольцом мощное колено.

– Хорошо! – проговорил лестригон еще более глухим голосом. – Ты умеешь владеть палицей, мечом. Это мне нравится. Но битва с оружием – это не битва богатырей. Покажи, чего ты стоишь на самом деле, величайший герой всех обитаемых земель! Покажи себя в кулачном бою! Ну! Долой железо!

С этими словами чудовищный воин рванул ремешок шлема у себя на подбородке, порвал его и, стащив шлем, кинул на землю. Затем взялся за застежки нагрудника.

– Раздевайся! – крикнул он.

– Изволь!

Ахилл тоже стал снимать доспехи, не спуская глаз с врага, ожидая нападения в любой момент. Однако Каррик мечтал сейчас только об одном – сойтись с противником в последней битве, где главной будет сила, ибо ловкостью и быстротой движений они оказались равны.

И вот оба встали друг против друга нагие, как морские скалы. На Ахилле осталась лишь его кожаная набедренная повязка, на Каррике – пояс, сплетенный из змеиных шкур, с привешенными к нему амулетами.

«А вот теперь придется поспешить!» – подумал Ахилл.

Он видел, что его рана, пускай и неопасная, кровоточит сильнее, чем рана лестригона, значит, у него в запасе меньше сил, меньше времени.

– Великий единственный Бог, помоги мне! – чуть слышно прошептал троянец.

Все это время он слышал гул со стороны лестригонского стана – воины-завоеватели не могли уразуметь, как это чужой богатырь дерется так долго с их страшным бойцом. Египтяне хранили молчание, с той стороны не долетало ни звука. Но теперь умолкли и лестригоны. Молчание сделалось мертвым – все смотрели и ждали. Посреди равнины замерли два великана, оба грозные и страшные, оба готовые к последней битве. Нагое тело Каррика выглядело еще тяжелее, еще мощнее, чем в доспехах, совершенное, как тело носорога, созданного сокрушать и уничтожать. Рядом с его полубесформенной исполинской громадой лепное, словно отлитое из светлого золота тело троянца было особенно прекрасно. Стало ясно видно, КОМУ служат тот и другой...

Снова прокатился над равниной вой Каррика. Он тараном кинулся вперед. Ахилл ушел от удара, успев отскочить в сторону. Несколько мгновений они прыгали один против другого, раскачиваясь, делая обманные движения, не спуская друг с друга глаз. Каррик был на самом деле отличным кулачным бойцом, и длина рук все так же была на его стороне вместе со слоновьей силой.

Еще одно обманное движение, затем Ахилл сделал выпад, метнулся под правую руку противника, целя ему в бок, но тот обрушил на него резкий удар слева. Троянец успел уйти от прямого попадания в голову – кулак лестригона лишь скользнул по его правому плечу, но сила удара была ужасна. Герой услышал, как хрустнула ключица, ощутил боль, пронизавшую всю правую сторону тела до самой пятки. Что-то горячо и мучительно обожгло виски, глаза налились темнотой.

«Нет, это не конец! – подумал он. – Нет, только не поверить, что это конец!»

Он продолжал видеть, он видел, как тянутся к нему ручищи чудовища, чтобы сжать и раздавить, сокрушив кости, переломав хребет. Видел оскал волчьих зубов, радостное сверканье близко сидящих желтых глаз. Да, они были желтые, а не зеленые. Глаза зверя... Нет, чушь! Зверь не радуется, убивая. Это демон смотрит глазами человека-чудовища, демон, который ненавидит весь мир.

Ахилл резко, будто бы теряя равновесие, качнулся всем телом вперед. Он падал на Каррика, нарочно приоткрыв рот, чтобы наполнившая его кровавая пена выступила на губах, чтобы ликующий враг это видел. Сам того не сознавая, троянец повторял свой же прием с пауком в пещере горных карликов, когда важно было только одно – заставить противника поверить в победу, которой не было...

Каррик оказался не умнее паука: оскалась, он ждал с растопыренными пальцами, когда обмякшее тело коснется их, чтобы растянуть миг торжества.

Пора!

За одну долю мгновения Ахилл весь собрался в комок. Сделав упор на правую ногу, он резко отбросил назад весь корпус и тут же разогнулся, как лук со внезапно лопнувшей тетивой, вложив всю свою силу и весь вес верхней части тела в стремительный удар левой руки – и ощутил, как кулак врезался в грудь врага, точно против сердца, почувствовал, как прогибаются и ломаются мощные ребра, услышал глухой хрип, внезапно вырвавшийся из

горла Каррика. Но герой помнил о живучести лестригона и, не веря в легкость победы, ударил второй раз, третий – в то же самое место. Он бил, пока его кулак, расколотый вдребезги, не провалился, точно в яму, в пробитую грудь врага.

Нечеловеческий вопль рванулся, раскатился кругом, заставив дрогнуть землю. Каррик ревел, вскинув руки с торчащими в стороны длинными пальцами, сотрясаясь, корчась, будто пронзенный копьем слон. Из его рта вылетали красные брызги, разом налившиеся кровью глаза вылезли из орбит. Он качнулся туда-сюда, сделал какой-то кривой шаг, то ли вперед, то ли в сторону, замахал руками, ловя ускользающий воздух, и наконец рухнул лицом вперед, под ноги победителю.

Глава 8

Рев Каррика еще сотрясал воздух, когда от рядов египетского войска отделилась боевая колесница и во всю мочь лошадиной пары рванулась вперед. За несколько мгновений она домчалась до места поединка. Как раз в тот миг, когда тело Каррика, конвульсивно содрогнувшись, застыло на песке, повозка круто развернулась и встала, загородив победителя от темной массы выстроившихся на расстоянии двух стадиев лестригонов.

– Скорее, Ахилл! – крикнула Пентесилея, натягивая вожжи. – Быстро в колесницу, пока они не опомнились!

Для героя ее появление не было неожиданным – все они обо всем условились заранее. Гектор не сомневался: в случае победы его брата над Карриком, лестригоны тут же нападут и, конечно, первым попытаются убить троянского богатыря. Ахилл видел, что амазонка успела как раз вовремя: оцепенение, овладевшее толпой лестригонов при виде неожиданной гибели их воина, казалось бы, уже победившего, прошло почти сразу. Ударили барабаны, громовой голос, в котором легко было узнать голос Антифота, отдал какое-то короткое приказание. Темные ряды разом пришли в движение, не беспорядочное, а строго направленное: распрямив полукруг в идеально прямую линию, лестригоны двинулись вперед.

Ликующий крик, взметнувшийся над строем египтян, тотчас умолк, в свою очередь, раздалась команды военачальников.

Ахилл левой рукой подхватил с земли свои доспехи, кинул в повозку, потянулся к шлему, но шлем уже подцепила на кончик копья Пентесилея.

– Скорее! – повторила она.

Колесница, вновь развернувшись, сорвалась с места и помчалась прочь, за долю мгновения до того, как несколько копий, пущенных лестригонами, вонзились в песок там, где она только что стояла. Одно из них задело и оцарапало задний борт.

– Далеко кидают, – сквозь зубы произнесла амазонка. – Что с правой рукой, Ахилл?

– Ключица сломана, – ответил герой, сиюсь побороть накатывающую волной дурноту. – Но могло быть хуже...

Они домчались до египетской линии обороны, которая в это время тоже ожила и тоже перестраивалась с не меньшей быстротой, чем это сделали лестригоны: стоявшие впереди колесницы разворачивались таким образом, чтобы борта повозок и кони преградили дорогу врагам. Лошадей предстояло принести в жертву, но иного выхода не оставалось. Сидевшие в колесницах лучники взяли на прицел первую линию нападавших. Те двигались не бегом, но каким-то особым, очень стремительным шагом, с выставленными вперед копьями и булавами в левой руке.

– Что с ним? – крикнул Гектор Пентесилее, увидав бледное, с окровавленным ртом лицо брата.

– Ничего страшного! – вместо жены ответил Ахилл и здоровой рукой вырвал из земли свое копьё. – Правая не работает, но драться можно и левой.

– Быстро за костры! – приказал амазонке Гектор, словно не обратив внимания на слова брата. – Помнишь, где можно проехать?

– Между красными кувшинами, – отозвалась женщина. – Я сейчас вернусь, Гектор.

– И я вернусь! – сказал Ахилл, хотя его уже не слышали.

Колесница пронеслась между расступившимися воинами – лучниками, затем шерданами, которые громкими криками и звоном щитов приветствовали победителя Каррика. Они знали, что сейчас начнется бой, но все равно не сдерживали ликования: многие, стоя позади колесниц, не видели поединка, им рассказали об увиденном колесничие и лучники. Шерданы торжествовали – легенда о непобедимости лестригонов была ниспровергнута!

В стелющемся по земле дыме множества маленьких костров трудно было различить глиняные сосуды, в которых эти костерки горели, однако два красных кувшина с белым узором выделялись отчетливо: они почти не дымили, и пламя над ними казалось зеленоватым, потому что в горящие щепы и ветки добавили медной стружки. Между кувшинами оставалось расстояние всего в четыре локтя, как раз чуть шире колесницы, но Пентесилея точно направила повозку в этот промежуток.

Повозка подлетела к шатрам, возле которых уже ждали несколько лекарей, старательно разложивших на чистых холстах лекарства и инструменты. Здесь же был привязан конь Пентесилеи, оседланный, взнузданный, с привешенными к седлу луком и колчаном (секира амазонки висела, как обычно, у пояса, с нею она не расставалась).

– Битва начинается! – воскликнула молодая женщина, выпрыгнув из колесницы и обнимая мужа, который, не показывая слабости, соскочил на землю следом за нею. – Я поеду туда, Ахилл, а тебе нужна помощь.

– Нужна, – согласился герой. – Мне нужен пластырь на рану и кто-нибудь, кто помог бы надеть шлем и нагрудник. С поясом я сам справлюсь. Но ты поезжай, Пентесилея, поезжай! Я не задержусь.

– Ты уверен, что это разумно? – впервые за все утро ее глаза, только что полные лишь ярости и нетерпения, выразили что-то, похожее на страх. – Ты уверен?

– Я уверен, что неразумно меня об этом спрашивать, – сказал он, но не резко, а ласково, и поцеловал ее. – Скорей, жена, скорей! Пока я не подспею, дерись за меня!

Амазонка не сказала больше ни слова и прыгнула в седло, а герой повернулся к лекарям.

– Ну, проявляйте свое невиданное искусство, костоправы! Мне как можно скорее нужен лубок на правое плечо, нужно залепить эту вот дырку в боку и хорошо бы глоток одного из ваших снадобий, которые, говорят, сразу возвращают силы. Даю вам время, покуда я сосчитаю до пятидесяти. А потом быстро мои нагрудник, пояс, шлем! Да, и нашли бы мне колесничего.

– Я буду твоим колесничим, великий Ахилл! – послышался голос, показавшийся знакомым.

Герой обернулся. Перед ним стоял египетский воин в легком доспехе, вооруженный, однако, мощным серповидным мечом. Кроме того, у пояса воина висел свернутый бич возничего.

Лицо – молодое, обветренное, под надвинутым до бровей шлемом – выглядело усталым и суровым.

– Ты узнаешь меня?

– Яхмес! – ахнул Ахилл и сморщился: египетский лекарь в это время ощупывал его плечо, чтобы наложить пластины слоновой кости и повязку. – Как ты тут оказался? Почему я тебя не видел раньше?

– Я служил в прибрежной крепости, – ответил молодой человек. – Прошлым вечером нам приказали прибыть сюда, на помощь войску фараона. Рад, что ты снова победил. Но рана серьезная. И перелом. Стоит ли тебе?...

Герой нахмурился, но не ответил, допивая терпкое питье, поданное лекарем. Затем указал здоровой рукой на свой нагрудник:

– Помогите надеть, Яхмес. Я сам буду решать, что мне стоит и чего не стоит делать. Кажется, до сих пор мое участие в битвах не мешало тем, на чьей стороне я бился. Скорее! Там уже жарко. Вперед!

В это самое время первая линия нападения лестригонов подошла вплотную к первой линии обороны египтян. Завоеватели двигались ровным, стремительным шагом, почти сомкнувшись плечами, подняв щиты до уровня лица, размеренно взмахивая перед собой

палицами. Когда между ними и египетскими колесницами оставалось около сотни шагов, лучники Рамзеса выпустили целый дождь стрел. В большинстве своем они отлетели от крепких щитов лестригонов или застряли в щитках доспехов, но два или три десятка стрел достигли цели: вонзились в лоб, в глаз, в щеку тому или иному из нападавших, и стройная линия их движения нарушилась: семеро упали убитыми, восемь или девять пошатнулись, смешав строй, некоторые остановились.

Вновь последовала команда из задних рядов, и передние сомкнулись, топча убитых, и сделали стремительный рывок вперед.

Лавиной накатили лестригоны на колесницы египтян, в это время уже пустые – лучники отступили, оставив свои повозки, и вскоре прекрасные сирийские кони бились в агонии: нападающие перерезали им горло кинжалами. Сами колесницы, мешавшие движению, были опрокинуты.

Повозки задержали движение лестригонов лишь на несколько мгновений, но за это время египетские лучники успели занять новую позицию, и новый поток стрел обрушился на передовую линию нападения, унеся еще десяток жизней.

Лестригоны, казалось, не замечали этого. Они продолжали свой натиск. На расстоянии пятидесяти локтей от египтян нападающие одновременно метнули тяжелые копья. Сомкнутые сплошной стеной щиты лучников не устояли – были пробиты, однако воины держали их на вытянутой руке, и наконечники их не достали: копья засели в толстых, подшитых несколькими слоями бычьей кожи щитах. Тем не менее некоторым перебило руки, и они, обливаясь кровью, уронили щиты. В это же мгновение из второй цепи нападавших, через головы передовых бойцов, полетел дождь стрел. Тридцать или сорок египетских лучников упали.

Темная масса лестригонов вдруг резко ускорила движение – теперь они бежали, тяжело, как слоны, так же стремительно и неотвратно. В считанные мгновения люди бездны одолели расстояние до новой линии обороны, но в это время лучники стремительно отступили. Прикрывая спины щитами, они пробежали около сотни локтей и скрылись за сверкающими доспехами стоявших строем шерданов. На них тоже посыпались стрелы, однако упали всего несколько человек: щиты шерданов в сравнении со щитами лучников были невелики, но доспехи куда прочнее. Подбежав ближе, лестригонские воины увидели еще одну их защиту: между врытыми в землю шестами колебалась сплетенная из конского волоса тонкая, прочная сеть. Она только что лежала на земле, свернутая, но едва это место миновали лучники, как три десятка воинов потянули веревки, и сеть, развернувшись, как парус, преградила дорогу бегущим. Засверкали мечи, рубя преграду. Лестригоны обладали превосходной реакцией, и лишь человек десять из них с разбега налетели на сеть. Впрочем, они не запутались, а лишь задержались на несколько мгновений, разрубая и разрывая ее. Даже задние ряды не врезались в передние – беспорядка в строю нападавших не произошло. Тем не менее, уничтожая сеть, они опустили щиты, и туча выпущенных в них стрел на этот раз сразила не менее пятидесяти воинов: шерданы стреляли, целясь в глаза, в лоб, в шею, туда, где не было доспехов, стреляя с близкого расстояния, со свойственным бывшим морским разбойникам беспощадным хладнокровием.

Яростный рев пронесся над цепью лестригонов. Одолев преграду, они кинулись на египтян лавиной, испуская свой страшный боевой клич. Сзади загрохотали барабаны. Резкий голос Антифота снова отдал несколько приказаний. У многих воинов были вторые копья, и они на ходу метнули их, находясь уже не более чем в двадцати локтях от обороняющихся. Щиты шерданов не смогли их защитить – копья пробивали их, как листы пергамента. Иных спасли доспехи: прочное железо, встретив удар, прогибалось, но держалось – воины падали лишь от страшного толчка и тут же вскакивали. Все же два десятка человек были

убиты, многие ранены. Однако все, не исключая раненых, стояли неколебимо, грозно подняв серповидные мечи, готовые к столкновению.

Еще миг – лавина накатит на строй, и начнется бойня. Как вдруг... Короткий возглас командира шерданов, и весь строй, мгновенно развернувшись, обратился в бегство. Воины бежали, показав врагам спину, бежали стремглав, словно сметенные ужасом, объявшим их при виде слоновьего натиска завоевателей.

Лестригоны вновь завопили, на этот раз с торжеством. Враги не впервые бежали перед ними, они привыкли к этому, хотя в этот раз и не ожидали, что это произойдет так скоро. Вслед шерданам полетело еще десятков шесть-семь копий – несколько египетских воинов были убиты, получив позорные раны в спину. Они бежали сломя голову, не оглядываясь. Бежали между полыхающими в глиняных плошках костерками, все ускоряя бег.

Лавина наступала их. Вот уже тяжелые краги лестригонов стали сшибать и крошить пылающие плошки.

И тогда произошло нечто невиданное. В том месте, где только что беспрепятственно пробежали воины-шерданов, под их преследователями внезапно провалилась земля! Нет, не земля... там не было земли – египтяне миновали ров, вырытый ночью, прикрытый пальмовыми шестами и листьями и тщательно засыпанный землей и песком. За ночь они пару раз прошли по настилу, проверяя, выдержат ли шесты их тяжесть. Прошли они здесь и на рассвете, чтобы занять свои позиции перед станом врага. Расчет был точен: шесты легко выдерживали даже одетых в доспехи шерданов. Однако панцири лестригонов весили в четыре раза больше, и самый рослый воин-египтянин тоже был раза в два легче лестригона... Под воинами Антифота шесты сломались, как щепки. Могучие гиганты всей цепью посыпались в ров, шлепаясь в заполнявшую его на треть жидкую смолу и, как мухи, увязая в жиже, в которую была добавлена рубленая пенька и стружка. Все же они выбрались бы наверх, но вместе с ними в ров попадали и десятки горящих плошек. За несколько мгновений смола вспыхнула на всем протяжении рва, образовав чающую огненную стену длиной в шесть стадиев.

Равнина огласилась уже не ревом, а чудовищным воем. Огонь охватил упавших в ров лестригонов, воспламенилась засаленная кожа их доспехов, железная броня быстро накалилась. Дикие вопли, грохот и скрежет, метание в пламени и дыму корчащихся тел, предсмертный хрип из сотен глоток – будто бездна Тартара отверзлась и выпустила весь свой хаос на поверхность земли.

– Есть! – крикнул фараон Рамзес, стискивая кулаки, испытывая, кажется, ужас и восторг одновременно.

Они с Гектором, едва началось наступление лестригонов, откатили на своих колесницах назад, проехав между теми самыми красными кувшинами – в единственном месте, где рва не было и где возможно было пройти колеснице. Сейчас обе повозки стояли бок о бок, в четырех стадиях от египетских шатров и всего в двух сотнях локтей от взметнувшейся к небу стены огня и дыма. Прямо перед ними остановили свой бег шерданов, четко, по команде развернувшись, чтобы вновь занять оборону.

Гектор, бледный, точно извесь, не отрываясь, смотрел, как поглощает врагов изобретенная им чудовищная ловушка. Он видел, что не менее шестисот-семисот воинов, бежавших единой цепью, рухнули в ров, что уже очень многие нашли в нем смерть. Выбраться удалось не более чем сотне объятых пламенем лестригонов. Многие, корчась, тут же упали на землю, те, кто мог двигаться, рыча, кидались на строй шерданов и погибали от пущенных в упор стрел.

– О Великий Бог, если это возможно, прости меня! – еле слышно прошептал царь Трои. – У меня не было выбора.

– Что мы будем делать, если они отступят, царь? – крикнул, пытаясь перекрыть вой и скрежет, Рамзес. – Как мы сами перейдем этот ров?

– Они не отступят, – спокойно возразил Гектор. – Я умею видеть противника до битвы.

Глава 9

Царь Трои был прав. Смятение очень недолго царило среди войска Антифота, от которого осталось чуть более половины. В ров угодили воины первой шеренги и несколько десятков из второй, остальные отпрянули, но не повернули назад. Голос царя прогремел, заглушая вопли гибнущих, и уцелевшие почти мгновенно перестроились, образовав снова три, но куда более коротких линии. Впервые прозвучал сигнал, поданный не грохотом барабана. Четырежды, отрывисто и басовито, протрубил громадный рог.

– Это сигнал для тех, кто в кораблях, – спокойно сказал Гектор. – Антифот, конечно, берег их для окончания битвы и для похода в глубь страны, но теперь они ему понадобились срочно. А что там наши корабли? Они должны были успеть.

– Они успели, – ответил Рамзес, морщась от гнусного запаха копоти и горелой человеческой плоти. – Ветер немного разнес дым. Смотри!

Так как берег полого уходил вниз, то часть залива, во всяком случае, место, где стояли лестригонские суда, было видно с высоты колесниц.

Едва загрели барабаны захватчиков, подавая сигнал к началу битвы, из-за мыса, прикрывающего вход в узкий залив, выскользнуло около двадцати египетских кораблей. Они шли со свернутыми парусами, а у иных и не могло быть парусов, ибо еще не было мачт: их не успели достроить. Но весла гребцов дружно толкали суда вперед, и они стремительно летели по гладкой воде. Занятые наблюдением за поединком и за началом битвы, два десятка лестригонов, охранявших корабли, не успели заметить этого вторжения.

Одновременно, повинувшись не возгласу, а команде, отданной взмахом флага, все египетские суда развернулись, встав наискосок между судами лестригонов и противоположным берегом. Затем мощный толчок весел послал их вперед. Новый взмах флага – и, когда до кораблей завоевателей оставалось около четверти стадия, на атакующих судах одновременно вспыхнуло пламя. Они занялись в считанные мгновения, и вот уже высокие огненные языки и тучи дыма рванулись к небу. Горючая смесь, подобная той, что была засыпана в ровловушку, разгоралась стремительно, огонь почти сразу охватил борта и мачты.

Гребцы-египтяне, само собой, не дожидались этого. Они подожгли горючую смесь и тотчас попрыгали в воду, где их подобрали плившие следом лодки. Этим лодкам тоже надо было успеть отойти от громадных факелов, в которые превратились корабли – будь ветер в их сторону, могла случиться беда. Но направление ветра тоже было рассчитано заранее.

Меж тем пылающие суда, перед тем получившие сильный разгон, продолжали стремительное движение вперед, и вот они почти одновременно врезались в черные громады чужих кораблей. Укрепленные в носовой части тараны – бревна, обитые медью, с оглушительным треском пробili их борта.

От сильного толчка сорвались и покатались вниз штабеля бревен, укрепленных на досках, положенных наклонно, от кормы к носу. Наклон обеспечивала сама конструкция судов – корма поднималась выше носа, а потому сделать в течение ночи это достаточно примитивное сооружение не составило труда.

Бревна, заранее обильно политые древесным спиртом, тоже горели. Некоторые, правда, угодили в воду, но в большинстве своем они обрушились на лестригонские суда, на дощатые настилы, прикрывавшие нижнюю, потайную часть судна, в которой пряталась засадная армия Антифота. Дувший с залива ветер довершил дело: корабли захватчиков почти моментально охватил огонь.

Это произошло как раз в тот момент, когда прозвучал рог, приказывая сидящим в засаде воинам покинуть тайные укрытия и присоединиться к понесшей невиданные потери основной армии. Однако запасное войско оказалось в положении, почти столь же отчаянном,

что и те, кого погубила расставленная Гектором западня. В пробоины, полученные от ударов тарана, хлынула вода. Спрятанные под настилом воины поняли, что суда сейчас начнут тонуть, и бросились к люкам, чтобы выйти наружу. Люки были придавлены бревнами, однако колоссальная сила лестригонов помогла им приподнять крышки, либо просто высадить доски настила. Но, выбравшись на настил, они сразу оказывались среди огня...

Засадная армия пострадала все же меньше, чем те воины, которые ранее угодили в пылающий ров. Получая тяжелые ожоги, многие все-таки выбирались из-под горящих бревен, иные сумели взобраться на борт почти невредимыми. Корабли оседали, заполняясь водой, и те, кто не смогли вылезти из тайников, должны были захлебнуться: промежуток между днищем и настилом был совсем невелик. Другие с криками ярости прыгали в воду – многим это было нужно еще и для того, чтобы погасить начавшую тлеть кожу доспехов.

И вот тут случилось совсем уже страшное и необъяснимое. По крайней мере, лестригоны так и не поняли, что произошло. Запылала... сама вода залива! Рыжий дымный огонь охватил всю ее поверхность, от берега почти до самого выхода в море – последние, удирающие на лодках рыбаки едва успели спастись от стремительно бегущей за ними огненной волны. Они, правда, знали, откуда этот огонь взялся, ибо, уплывая, сами вылили в воду смесь масла и древесного спирта.

Лестригоны не слыхали о таких зельях и не понимали, как может гореть вода. Поддавшись внутреннему, первобытному страху перед огнем, возникшим ниоткуда, они стремились скорее выскочить из него, подняться выше над водой, цепляясь за плавающие бревна, тоже горящие, и за борта своих тонущих судов. Им было невдомек, что спастись можно, как раз погрузившись целиком в воду, потому что горел лишь слой масла на самой поверхности.

До берега было близко – не больше шестидесяти локтей, но это расстояние преодолели не все. Кое-кто сообразил, что нужно прыгать в воду с кормы, где огня было меньше, и где волны с залива довольно быстро затушили «пожар воды». Зато там оказалось куда глубже, и тяжесть доспехов потащила воинов на дно.

Но несмотря ни на что слуги демона не поддались ужасу и смятению. Как и думал Гектор, они продолжали наступление.

Антифот, очевидно, видел если не все, то почти все, происшедшее с его засадной армией, и от этого впал в дикую ярость. Он никак не думал, что противник не только разгадает все его хитрости, но и устроит ему, одну за другой, две сокрушительные ловушки. Однако бешенство не помешало царю лестригонов действовать обдуманно. Он понимал, что после случившегося едва ли сможет совершить поход в глубь Египта, но понимал и другое: если сейчас он отступит и даст прижать себя к морю, ему и тому, что осталось от его войска, конец – корабли получили пробоины и тонули, одновременно пожираемые огнем. Полностью уцелели лишь два судна, а значит, в ближайшие часы и даже дни им отсюда не уплыть. Они сумеют закрепиться на берегу, однако Рамзес может подтянуть сюда несколько тысяч воинов. И тогда, вместе с невиданным великаном, убившим его непобедимого племянника, вместе с могучим троянским царем, египтяне добьют их, хотя и положат ради этого множество жизней. Значит, нужно было напасть, заставить египтян сражаться сейчас, уничтожить их, убить фараона. А после подумать, как убраться отсюда, чтобы затем вернуться.

Египтян защищал огненный ров, в котором оставались лишь узкие «ворота» – промежуток между красными кувшинами. Кроме того, проходимой, безусловно, была скалистая береговая полоса.

Подчиняясь приказу своего царя, лестригоны разделились и первая линия воинов, развернувшись, кинулась к берегу. Туда же, видимо, понимая, что там возможно пройти, устремились и воины с кораблей, которым удалось выбраться на берег.

– Нужно бросить туда шерданов! – крикнул Рамзес Гектору и уже взмахнул рукой, чтобы отдать приказание, однако Гектор остановил его:

– Неужели ты не видишь, что это – отвлекающий прием? Там – узкое пространство, большое число людей не пройдет. Им только и надо, чтобы мы устроили свалку на этом клочке... Посылай лучников, пусть встретят их стрелами и на какое-то время задержат. Стоим здесь!

– Но они зайдут нам в спину! – воскликнул фараон.

– Не зайдут. Для этого их теперь мало. Стоим!

В это время основная масса лестригонов, вновь перестроившись и образовав острый треугольный клин, ринулась вперед, прямо на мечущееся во рву пламя, в котором еще корчились, погибая, их товарищи. Ров был шириною в десяток локтей – его невозможно было перескочить, однако некоторые из нападавших сделали это! Они прыгали, используя особый прием: разбежавшись перед прыжком, выбрасывали вперед копьё и, резко воткнув его в землю на краю рва, отталкиваясь, перебрасывали себя через пламя. При тяжести их доспехов такие прыжки казались невероятными, однако огромная сила людей бездны позволяла им это сделать. Некоторые срывались и падали в огонь, но остальные не обращали на это внимания. Те, у кого не было копий, одолевали ров, вскакивая на плечи и спины воинов, гибнущих в огне. Этим они добивали их, глубже вталкивая в горящую жижку. Одолев ров, лестригоны с новой яростью бросались вперед, издавая при этом пронзительные вопли.

Эта выскакивающая из огня, ревушая, страшная масса могла бы напугать кого угодно. Но только не шерданов. Гектор за эти несколько дней хорошо узнал их командующего. Это был сорокалетний этрусск по имени Антасса, в недалеком прошлом грозный морской разбойник. Рамзес рассказал троянцам, что тридцать пять лет назад лестригоны захватили и сожгли дотла небольшое этрусское поселение, из которого Антасса был родом, а его родителей убили на глазах ребенка. Мальчика подобрали на берегу морские разбойники, он вырос на разбойничьем корабле и, став взрослым, дал клятву когда-нибудь поквитаться с убийцами. Сделавшись предводителем, Антасса упорно разыскивал во всех морях очередное пристанище лестригонов, попутно совершая набеги на прибрежные города и захватывая чужие корабли, пока сам не оказался в плену у египтян. Он принял предложение стать воином-шерданом, однако мечту об отмщении не позабыл, и теперь испытывал жестокую радость от сознания, что наконец-то бьется с лестригонами.

– Ну, вперед! – воскликнул Гектор.

Голос царя Трои прозвучал почти весело. Пережив потрясение при виде заживо сгорающих по его воле врагов, он больше всего хотел теперь вступить в битву.

Шерданы ждали нападающих, выставив вперед щиты, пряча за ними железные зигзаги мечей. Египетские лучники в это время обливали стрелами врагов, прорывающихся к месту схватки по береговой полосе, и постепенно отступали под их натиском.

Лестригоны, одолев ров, лишились копий (при прыжке копьё оставалось на той стороне рва), а потому напали на шерданов с мечами и булавами. Удар был грозным и страшным. Шерданы встретили натиск, и вот уже все слилось в кровавом месиве. Мелькали в воздухе шипастые головы булав, сверкали и лязгали мечи. Предсмертные крики, стоны, хриплая брань на разных языках, – все соединилось в сплошной гул.

Большинство шерданов, тщательно подготовленных к бою как Гектором, так и Антассой, запомнившим с раннего детства боевые приемы лестригонов, старались не бить врагов в места, хорошо защищенные доспехами. Шерданы поднимали над головой щиты (которые в случае прямого удара их почти не защищали) и, пригнувшись, используя свой более низкий рост, наносили удары по ногам, рассекая сухожилия, либо наискосок вонзали свои серпы под кожаные юбки врагов, стараясь попасть в пах или в живот. Такие удары, будучи нанесены достаточно точно и сильно, нередко несли смерть.

Однако лестригоны дрались, несомненно, лучше, и то, что египтян стало теперь на тысячу с лишним больше, не спасло бы их.

Но с ними по-прежнему были троянские герои.

Колесница Ахилла врезалась в гущу битвы, как это бывало всегда – внезапно и вовремя, как раз тогда, когда царь Антифот, одолев ров, вступил в бой и первыми же ударами сокрушил десяток воинов, прикрывавших колесницу фараона. Рамзес был в гуще боя, хотя перед тем Гектор просил его не рисковать и не вмешиваться в схватку самому. Но Великий Дом не мог смотреть со стороны, как дерутся и гибнут его воины. К тому же он был отважным и искусным бойцом и понимал, что его участие в битве воодушевит египтян. Фараон сражался в надежных доспехах, а его колесницей, запряженной чистокровными сирийскими жеребцами, правил опытный возница. Надежна была и его охрана, если не считать отсутствия Сети, отправленного с поручением в Трояду. Рамзес ловко владел мечом и в первые мгновения сумел сразить троих врагов. Он метил в шею, между доспехом и нашлаемником – такой удар, если его нанести точно, всегда оказывался смертельным. От нападений с разных сторон и от вражеских копий фараона прикрывали щиты воинов-египтян, бежавших рядом с колесницей. Вначале их было пятнадцать, но пятеро вскоре погибли. Внезапно перед колесницей, потрясая окровавленной булавой, возник Антифот и, одного за другим, уложил остальных охранников.

– Иди сюда, Рамзес, отродье лягушки! – орал лестригон, налетая на колесницу и хватаясь за поводья, чтобы не дать вознице развернуть повозку. – Ну, давай, это тебе не канавы рыть и заливать смолой! Ну!

Возница заслонил фараона от пущенной в него булавы и упал мертвым, свесившись через борт колесницы. Рамзес уклонился от удара меча и сам ударил в ответ, но меч встретил надежное железо щита. Следующий удар Антифота почти достал Великого Дома – ему удалось отпрыгнуть в последнее мгновение. А царь лестригонов с юношеской легкостью, будто не чувствуя тяжести своих доспехов, вскочил в колесницу и пинком ноги выбросил из нее труп возничего, освобождая место.

– Ну, великий фараон, сейчас я сделаю из тебя десяток маленьких фараончиков! – глухо произнес Антифот, оскалившись (этот оскал трудно было назвать улыбкой). – Придется делать из тебя не одну, а десять мумий!

Каким-то чудом Рамзес опять отразил удар, лезвие вражеского меча лишь скользнуло по его руке, оставив неглубокую рану, скорее царапину. Антифот вновь замахнулся и... выбитый из его руки меч упал за борт повозки, а сам он пошатнулся, так силен был удар. Между ним и Рамзесом вонзилось и задрожало гигантских размеров копье, а в следующее мгновение подкатила еще одна колесница.

– Не лезь не в свою повозку, Антифот! – крикнул Ахилл, нависая над царем лестригонов. – Тебе здесь не место!

Антифот зарычал и взмахнул мечом, видя, что в это мгновение троянский герой безоружен: его копье еще торчало из днища колесницы. Но Ахилл, упредив врага, ударил его кулаком в лицо. Лестригон помнил, как этот самый кулак раскрошил ребра Каррика, и стремительно отшатнулся, однако удар достиг цели, и облаченный в тяжелое железо великан вылетел из колесницы, как кот от хозяйского пинка. Тут же откуда-то вынырнул еще один лестригон, размахивая окровавленной палицей, но этому повезло куда меньше: троянец уже держал копье в руке и точным ударом пригвоздил врага к земле.

– Вот вам, собаки! – закричал Ахилл тем самым, наводящим ужас голосом, от которого так часто бежали самые смелые воины. – Что, не привыкли, чтоб вас били?! Привыкли бесчинствовать, как вам хочется?!

Еще один взмах «пелионского ясеня», и двое подступавших к колеснице фараона лестригонов упали с разбитыми головами. Подбежал воин-египтянин, прыгнул в повозку и подхватил поводья, одновременно прикрывая Рамзеса своим щитом.

– Спасибо! – крикнул фараон Ахиллу. – Я рад, что ты в силах биться!

– Я тоже этому рад! – отозвался герой. – Но ты бы поберег себя, Великий Дом!

– Скажи это своей жене! – невольно огрызнулся Рамзес. – Во-он она рубится в самой гуще схватки. А я не женщина!

Троянский герой усмехнулся и ничего не ответил. Сражение кипело вокруг них, и ему было не до споров с фараоном, которого он так вовремя успел защитить. Куда больше Ахиллу хотелось вновь найти Антифота, но двое лестригонов успели оттащить в сторону своего царя, от удара ахиллова кулака потерявшего сознание. Остальные лестригоны тоже отступили от колесницы троянца, пытаясь издали поразить его копьями. Он был без щита, потому что владел только левой рукой, в которой держал копье – его прикрывал лишь большой щит Яхмеса.

– Ну, пожиратели поганок, сюда! – вновь закричал Ахилл. – Что-то я не вижу вашей хваленной отваги! Ко мне, демоновы лизоблюды!

И, знаком приказав Яхмесу развернуть колесницу, герой ринулся за отступавшими под его натиском врагами.

Глава 10

Сражение происходило на нешироком пространстве между все еще пылающим рвом и раскинутым возле смоковниц лагерем египтян. Те из лестригонов, кому удалось спастись с горящих кораблей, пробились через строй египетских лучников, защищавших береговую полосу, оставив многих из них убитыми, и присоединились к своим товарищам, которые широким клином врубались в линию обороны шерданов. Теперь уже не было ни клина, ни стройных рядов оборонявшихся – все смешалось, и в тучах поднятой пыли были видны лишь мелькающие руки с окровавленным оружием, оскаленные лица и тусклый блеск бронзы и железа.

Лестригоны дрались с отчаянным упорством, хотя устроенные Гектором ловушки вдвое уменьшили их число и подорвали силы: многие из уцелевших получили серьезные ожоги. Одно сознание, что несокрушимый Каррик убит, и сами они понесли такие страшные потери, мешало людям бездны проявлять свою обычную дикую свирепость и отвагу. Но они все же не помышляли отступить – бились упорно и злобно.

Впрочем, шерданы не уступали им в ярости. Старые счеты с завоевателями были не у одного этруска Антассы – кое-кому из бывших морских разбойников приходилось если не встречаться с лестригонами, то слышать об их кровавых похождениях, в сравнении с которыми их собственное прошлое казалось мирным и пристойным. К тому же шерданы искренне любили фараона, оказавшего им столько милостей.

Гектор направил свою колесницу в самый центр сражения, понимая, что лестригоны постараются прежде всего уничтожить именно командующего, и это соберет вокруг него большое число врагов. Он дрался спокойно, сосредоточенно, как всегда. На колесницу накатил настоящая лавина воинов – вскоре оба коня, запряженные в повозку, были убиты, а затем упал, уронив щит, тяжело раненный возница. Прикрытие исчезло, и то, что военачальник оставался на возвышении, из преимущества превратилось в опасность: он лишь чудом успел принять на щит три или четыре молниеносно брошенных в него вражеских копья и порадовался, что у лестригонов почти не осталось луков – многие из них бросили громоздкие луки, перескакивая с помощью копий через пылающий ров.

Царь Трои соскочил с колесницы и могучим рывком опрокинул ее, встав так, чтобы борта повозки защищали ему спину. Теперь он мог видеть всех, кто на него нападал, и хотя против него бились по крайней мере семь или восемь свирепых воинов, троянец спокойно отражал их нападения, вовремя и точно нанося ответные удары. Вот упал один из лестригонов, затем второй, но их место тут же занимали другие: Антифот приказал уничтожить Гектора любой ценой. И тем не менее командующий продолжал руководить боем.

Один из египетских воинов ловко вскарабкался на борт поверженной колесницы и, повесив себе на грудь и на спину два громадных полуовальных щита, которые скрыли его почти целиком, стал докладывать командующему обо всем происходящем: с колесницы он хорошо видел поле боя. Гектор отдавал приказы, а юноша во весь голос повторял их, поворачиваясь в ту сторону, где приказ должны были услышать. В конце концов, лестригонское копье поразило смельчака в голову, и он упал под ноги троянскому герою.

Пентесилея сражалась так, как привыкла – верхом. Это был сумасшедший риск – если колесница хоть как-то защищала седока высокими бортами, то на коне амазонка была открыта с ног до головы. Сверкающие троянские доспехи, черная конская грива, развевающаяся над шлемом, блеск мелькающей в воздухе.

Секиры – все это бесило врагов. На левом краю площадки, где дралась амазонка, шла настоящая охота за нею. Чего ей и было нужно – она, как ураган, носилась взад-вперед, неизвестно как прорываясь сквозь плотные ряды дерущихся, нанося сверху точные, беспощад-

ные удары. Секира одолевала даже толстое железо лестригонских шлемов, и уже не один воин упал с рассеченной головой под ударами Пентесилеи. Вероятно, они не подозревали, что этот безумный всадник – женщина, потому что время от времени окликали ее примерно так:

– Ты, жеребчатый сын, куда удираешь?! Иди, я выбью дерьмо из-под твоей гривы!

– Эй, урод из погорелой Трои, скачи сюда! Я перегрызу глотку и тебе, и твоему жеребцу!

Она отвечала не словами, а ударами, всегда стремительными и смертоносными. Впервые после рождения Патрокла Пентесилея вновь испытала кровавое упоение боем.

Ахилл, придя на помощь Рамзесу, после того развернул свою колесницу и снова набросился на врагов. Он использовал привычный ему прием, который всегда применял, когда битва шла на небольшом пространстве: направил боевую повозку вокруг места сражения, захватывая его края и сокрушая на своем пути десятки лестригонов. Каждый удар «пелионского ясеня» уносил, по крайней мере, одну жизнь.

Снадобье египетских лекарей поддерживало силы героя, хотя боль в сломанном плече не исчезла и давала о себе знать, а драться левой рукой было труднее, чем правой. Но Ахилл, пришедший в ярость еще во время поединка с Карриком, теперь дал волю этой ярости и не замечал ничего. Как всегда в бою, он сделался ужасен – его будто безумные, мечущие молнии глаза, гигантский рост, еще увеличенный развевающейся над шлемом гривой, нечеловеческая сила, только что одержанная им победа над непобедимым убийцей – все это внушило трепет даже не знавшим страха лестригонам. Вольно или невольно, они отступали перед неистовым напором его несущейся во всю мочь колесницы, сжимая пространство боя, и герой с каждым новым кровавым кругом, все сужал и сужал кольцо.

Видимо, лестригоны понимали, что еще несколько кругов ахилловой колесницы, и большая их часть погибнет. Они делали все возможное, чтобы остановить героя – пытались бросать копья в его коней, но те, как заговоренные, уходили от бросков, иные из людей бездны кидались прямо под копыта, надеясь, что это задержит полет колесницы, однако кони сминали самоубийц – повозка, подскакивая и кренясь, проносилась над ними.

Еще круг, еще. Копье, пущенное в упор лестригоном, попало в грудь одному из коней. Тот захрипел, стал оседать, и Яхмес ударами меча обрубил упряжь и немного развернул повозку, огибая бьющееся в судорогах тело лошади. Второй конь, раздувая ноздри, понесся еще быстрее, будто не ощущая двойной тяжести влекомой им колесницы, которая несла возницу, гигантского воина и его гигантское копье.

Антифот что-то прокричал издали своим громовым голосом, и, когда колесница Ахилла вошла в очередной поворот, сразу пятеро лестригонов, схватившись за руки, переплетя их, кинулись под копыта коню. Яхмес никак не мог развернуться, конь налетел на живой заслон и тотчас упал с перерезанным горлом. От резкого толчка повозка опрокинулась.

К несчастью, Ахилл упал на правую сторону, ударившись сломанным плечом. От пронзительной боли герой сразу потерял сознание. На какое-то мгновение его заслонило от врагов тело коня и упавшая колесница, но еще миг – и сразу трое лестригонов кинулись к поверженному исполину, спеша прикончить его, пока он не очнулся.

Большинство египтян в это время были далеко. Рядом с Ахиллом оказался только его возница. Яхмес успел соскочить с колесницы до ее падения, поэтому не пострадал, однако великолепно понимал, что не одолеет троих громадных воинов.

– Очнись, Ахилл, очнись! Эти уроды рядом! – что есть силы крикнул Яхмес и, отважно встретив первого из нападавших, с размаху ударил мечом. Железный серп вошел между нагрудником и поясом – воин, корчась, упал к ногам египтянина, но, падая, выбил из его руки меч: изогнутое лезвие застряло в теле.

Второй лестригон уже заносил палицу. Если бы Яхмес отскочил, удар, конечно, достался бы не ему: люди бездны больше всего на свете хотели убить Ахилла. Однако египтянину даже не пришло в голову спасти себя. Выкрикнув какое-то ругательство, он взмахнул единственным оставшимся в его распоряжении оружием – длинным бичом возницы. Но именно им он владел с поразительным искусством. Тонкий ремень, свистнув в воздухе, обвил рукоять булавы и в следующий миг вырвал ее у воина, совершенно ошалевшего от такой наглости врага. Лестригон еще не успел опомниться, когда новый удар бича рассек ему лицо, и затем бич, продолжая движение, смазал по щеке третьего из нападавших.

Оба воина завопили от ярости и кинулись на юношу с поднятыми мечами. Однако в это мгновение Ахилл очнулся и тотчас оценил происходящее. Его копье отлетело далеко в сторону – герой понял, что никак не успеет его схватить. Он привстал на одно колено, левой рукой достал все еще вращающееся колесо опрокинутой повозки и, рывком отодрав его от оси, швырнул в лестригонов. Этот необычный метательный диск разможил голову одному из нападавших и, ударив другого в грудь, поверг на землю замертво.

Через несколько мгновений Ахилл уже держал в руке «пелионский яшень», и его удары прикончили еще троих врагов, пытавшихся подоспеть на помощь к своим товарищам.

– Твоя привычка орудовать бичом оказалась полезна, Яхмес! – крикнул герой молодому египтянину. – Как бы там ни было, я обязан тебе жизнью!

– Я пытаюсь отдать долг! – воскликнул юноша.

Антифот в это время, увидав, что убить Ахилла не удалось, но он, по крайней мере, лишился колесницы, вновь закричал что-то своим воинам, и те, начав отступать под натиском египтян, обратились вдруг в бегство! Некоторые прорвались назад, к горящему рву, другие бросились к перешейку возле залива, уже оставленному египетскими воинами. Те, у кого оставались копья, тем же приемом, используя копье, перескакивали через ров.

Поняв, что лестригоны бегут, шерданы с воплями ярости ринулись за ними. Их примеру последовали и более осторожные египтяне – лучники и копейщики, воодушевленные внезапным и поспешным бегством врагов. Правда, никто из них не рискнул сунуться в ров или через него прыгать – воины сворачивали вправо, чтобы пройти по кромке берега.

– Стоять! – что есть силы крикнул Гектор египтянам. – Всем стоять! Стоять, я сказал!

Едва атаковавшие его лестригоны отступили, царь Трои вскочил на опрокинутую колесницу. Только взбираясь на нее, он заметил торчащий из своей правой ноги выше колена обломок копья и с удивлением подумал, что даже не запомнил, в какой момент боя оно вонзилось.

– Стоять! Построиться в три шеренги вдоль рва! Никому не наступать вдоль берега! Мосты сюда! – громовым голосом командовал он.

Египтяне, получившие приказ фараона слушаться каждого слова Гектора, разом прекратили погоню.

– Они могут удрать, Гектор! – закричал со своей колесницы Рамзес. – У них два корабля целы. А если мы дадим им уйти, они соберут все, что осталось от войска, и вернуться сюда, когда здесь не будет вас с Ахиллом! Если мы упустим Антифота, он как-нибудь, но отомстит! Верь мне!

Герой расхохотался. Огромный, весь залитый кровью, своей и чужой, он возвышался над усеянной трупами равниной, как некий дух войны, как сам страшный Арес¹², торжествующий среди смерти. Если бы не полученные им раны, к счастью, неопасные, он и вправду казался бы бессмертным и неуязвимым божеством.

– Я и сам знаю, что нельзя упускать лестригонов, Великий Дом! – ответил он на возглас фараона. – Но, будь покоен, они никуда не убегут. Они и не собираются убежать!

¹² Арес – бог войны у древних греков.

– Ты думаешь?

Фараон подкатил на своей колеснице к опрокинутой колеснице троянца и тревожно окинул взглядом поле битвы. Египтяне, выполняя приказ, поспешно строились. Человек пятьдесят бежали в сторону лагеря, чтобы принести мосты – заранее сколоченные из тех же пальмовых стволов щиты, которые царь Трои приказал приготовить на случай, если придется одолевая горящий ров.

Гектор, морщась, вытащил из раны на ноге обломок копья и проговорил, не глядя на Рамзеса, напряженно следя за, казалось бы, хаотическим отступлением врагов:

– Лестригонов, по моим подсчетам, осталось около пятисот или немного меньше. В любом случае им не уплыть на двух кораблях – Антифот это отлично знает. Кроме того, он видит и наше войско: у нас теперь чуть более тысячи воинов. С обеих сторон по две трети потеря, если не считать тех, кто попался в обе наши ловушки. Но ведь нас, благодаря этим ловушкам, в начале битвы было в два раза больше, а значит, подсчеты не в нашу пользу. Мы были готовы к этому. Но сейчас никак нельзя ошибиться. Антифот ждал, что египтяне кинутся за ним, что большая их часть побежит берегом, и, когда лестригоны резко развернутся и нападут, наши окажутся зажаты в узком пространстве береговой косы. Тогда численное преимущество перестанет работать на нас... Нет, такого подарка я ему не сделаю!

– Он это уже понял, – усмехнулся фараон. – Смотри-ка – они остановились.

– Ну да. Еще пара сотен шагов, и они вбежали бы в море. Да и залив с их кораблями остался позади, так что понятно – о бегстве они не думали. Видишь, с какой быстротой они перестраиваются? Вот теперь и начнется решающая схватка, и она будет страшнее предыдущей. Эй, воины – опустить мосты! Все на ту сторону! Подать мне колесницу!

Пальмовые щиты упали, перекрывая ров. Египтяне устремились по ним на прибрежную часть равнины.

– Брат, мне тоже нужна новая колесница! – произнес Ахилл, подходя к Гектору.

– Уступи ему свою повозку, Рамзес! – обратился царь Трои к Великому Дому. – Тебе лучше теперь остаться здесь: там будет слишком опасно.

– В лагере найдется лишняя колесница, – довольно резко произнес фараон. – Я слушаюсь тебя во всем, царь – ты умело командуешь боем, однако мною ты не будешь командовать, это моя страна!

– Но ты ранен.

– Это царапина, а не рана. Ты ранен куда сильнее, о твоём брате я и не говорю, но вы оба в бою. Хватит слов: эти твари уже готовятся наступать. Вперед, скорее! Воины, еще одну колесницу сюда!

По тому же проходу между красными кувшинами, проходу, которым, отступая, воспользовались наиболее хладнокровные и наиболее наблюдательные лестригоны, все три колесницы вслед за египетскими воинами миновали ров.

– Я атакую по центру, Ахилл и Пентесилея занимают правый край, чтобы защитить перешеек, ты налево, Великий Дом, но только не опережай воинов! Антасса, прижимать их к морю, и теперь ни шагу назад!

Голос Гектора гремел, заглушая ожившие барабаны лестригонов, которые, впрочем, звучали теперь глуше и тише: большей частью барабанщики были убиты. Антифот тоже что-то кричал своим, и те спешили, чтобы напасть первыми, но на этот раз египтяне успели скорее – стремительная волна атаки хлынула на завоевателей прежде, чем они завершили построение.

Колесница Ахилла первой достигла вражеских рядов. Навстречу герою полетело десятка два копий – на другой стороне рва лестригоны подобрали свое брошенное во время первой переправы оружие. Часть копий Яхмес принял на щит, и они раскололи его на части, но у ног предусмотрительного возницы лежал другой, которым юноша поспешил прикрыть

тroyанского богатыря. Остальные копыя Ахилл отбил на лету ударами «пелионского ясеня». Он налетел на лестригонов с удвоенной яростью, быть может, потому, что чувствовал, как иссякают его силы: действие лекарства кончалось, боль в сломанном плече разливалась по всему телу, парализуя движения, тьма поднималась в глазах. Вероятно, удар при падении с колесницы тоже сделал свое дело. Герой понимал: долго ему не продержаться.

– Вправо! – крикнул Ахилл Яхмесу.

Он повторял тот же прием – вел колесницу вдоль вражеского строя, нанося удар за ударом, срезая ряд за рядом. «Пелионский яшень» расшибал мощные шлемы, ломал вскинутые навстречу мечи, даже толстые булавы. Это неукротимое и стремительное движение смерти заставляло неустрашимых лестригонов отступать, шарахаться в сторону от колесницы, так страшен был новый натиск тroyанского богатыря.

– Разворачивай! – снова закричал Ахилл, когда колесница промчалась вдоль правого крыла вражеского строя, оставив на земле не менее двадцати убитых. – Разворачивай скорее!

Яхмес опоздал на какое-то мгновение, и повозка пролетела по открытому месту около сотни локтей, прежде чем повернуть на новый заход. И это сделало ее уязвимой. Сразу несколько копий рванулись навстречу и убили одного из коней. Второй, раненый, осел на задние ноги, высоко вскинув передние, на миг прикрыв собой седока и возницу. Но только на миг...

Взревев от радости, Антифот, все это время следивший за движением колесницы и ждавший, когда она повернет, стремительно выскочил из-за спин своих воинов и, когда раненый конь опрокинулся, с расстояния в сорок шагов что есть силы метнул копьё.

Яхмес от толчка упал на колени и не успел поднять щит достаточно высоко. Впрочем, едва ли щит мог устоять против огромного копыя, брошенного с невероятной силой и яростью. Копье пробило нагрудник Ахилла и вонзилось в грудь с левой стороны. Герой не вскрикнул, только вздрогнул всем телом и упал навзничь, перелетев через борт колесницы.

В это мгновение лестригоны, казалось, уже проигравшие битву, подумали, что еще могут победить.

Глава 11

Случившееся видели почти все. Антасса и его шерданы, как раз в это время вклинившиеся в первый вражеский ряд, фараон, находившийся на другом краю площадки, но наблюдавший за началом боя со своей колесницы, Гектор, чья боевая повозка достигла линии вражеской обороны, Пентесилея, которая в этот момент сражалась на береговом перешейке, локтях в двухстах от мужа.

Лестригоны оглушительно завопили в диком ликовании, им ответил отчаянный вопль египтян, и Антасса со своими воинами тотчас кинулся к колеснице Ахилла, чтобы прикрыть его. Они были уверены, что герой убит, но не желали отдавать и его тела.

Гектор закричал громче и страшнее всех и совершил, на первый взгляд, совершенно безумный поступок: он направил свою колесницу напролом, сквозь вражеские ряды, далеко вклинившись в них и дав себя окружить. Он оказался далеко от своих воинов, казалось, обрекая себя на гибель. На самом деле это не было безумием: как ни был потрясен царь Трои, он не утратил воли, равно как и не поверил, что Ахилл мертв. Приамид-старший понимал, что сейчас важнее всего отвлечь от брата врагов, а сделать это можно было, только обратив их ярость на себя. От горя и гнева силы героя словно утроились – он рубил направо и налево, непостижимым образом уходя от множества ударов. Его новый возница – опытный немолодой египтянин, прикрыл щитом спину троянца, даже не пытаясь защищать его спереди – Гектора защищала сейчас собственная быстрота движений, его окровавленный громадный меч мелькал в воздухе, как огненное крыло, и порою казалось, что у него в руке десяток мечей.

– Вот вам, псы, ублюдки, Тартаровы выродки! – кричал герой. – Вот вам, вот, вот и вот! Ни один из вас не уплывет отсюда, вас сожрут грифы и шакалы! Вот вам, уроды! Вот! Вот! Подышайте!

Пентесилея видела тот момент, когда копьё вонзилось в грудь ее мужа и видела, что оно, скорее всего, попало в сердце. Если это так, то Ахилл упал мертвым, хотя то, что падал он не лицом вниз, а затылком, все же внушило амазонке какую-то надежду. Она поняла, что не поспеет к нему прежде, чем до него добегут лестригоны, однако шерданы успели раньше, а значит, если Ахилл жив, они могли на какое-то время его защитить.

Любая женщина на месте Пентесилеи поступила бы, не рассуждая – робкая обратилась бы в бегство (но такой не могло оказаться на поле битвы), отважная кинулась бы к мужу, даже рискуя сразу погибнуть.

Пентесилея была не обычная женщина и даже не обычная амазонка и поступила совершенно иначе. Развернув коня, она направила его прямо на отделившегося от вражеских рядов царя Антифота. Ей навстречу, заноса свои копыя, выскочили несколько воинов, но когда копыя поразили ее коня, амазонки уже не было в седле – она перелетела в прыжке через голову лошади и через головы напавших на нее лестригонов и, оказавшись теперь с Антифотом лицом к лицу, будто безумная, кинулась к нему. Впервые за все время битвы амазонка закричала. Она кричала не обычным своим низким, почти мужским голосом – ее крик, пронзительный, звонкий, вдруг выдал врагам, что это – женщина. Но ей того и было нужно – Пентесилея действовала совершенно осознанно, хотя египтянам, видевшим ее прыжок и ее атаку, в какой-то миг показалось, что она помешалась.

Вероятно, это же подумал Антифот. Он рассмеялся и, оскалившись, ждал амазонку, выставив вперед меч. В нескольких шагах от него Пентесилея снова взвилась в воздух, заноса над головой секиру. Она миновала лезвие меча, успев ногой толкнуть руку царя лестригонов и не дать вскинуть оружие выше. Но реакция Антифота была, пожалуй, не хуже: когда амазонка, как кошка, обрушилась ему на грудь, он левой рукой перехватил ее

руку с секирой. Еще миг – и железные пальцы лестригона, сжавшись, как клещи, сломали бы запястье женщины, однако этого мига у Антифота не было. Трудно сказать, успел ли он увидеть, как взметнулась левая рука Пентесилеи, во время ее бега и прыжка плотно прижатая к телу. Трудно сказать, заметил ли Антифот короткую белую молнию, сверкнувшую ему в глаза. Во всяком случае, его воинам, находившимся в нескольких шагах, показалось, что амазонка ударила их царя в лоб кулаком. И когда он, не вскрикнув, рухнул лицом вниз, их ошеломила лишь сила удара, сумевшего повергнуть на землю могучего воина. Истина открылась, когда кто-то, подбежав к Антифоту, повернул его: как раз под линией шлема, точно между бровей царя, торчала костяная рукоять боевого ножа амазонки. Лезвие целиком вошло в мозг и принесло мгновенную смерть.

Пентесилея не упала вместе с убитым – успела отскочить. И, прежде чем лестригоны могли что-либо сообразить, зарубила одного из них секирой. Трое других, поняв, что произошло с Антифотом, с воплями кинулись к амазонке, но один за другим упали под ее ударами.

Видя, что смерть царя вызвала среди врагов если не смятение, то растерянность, и ряды их смешались, молодая женщина, врубившись в гущу боя, бросилась к колеснице Ахилла. Но его уже не было возле повозки – шерданы оттащили героя назад, подальше от сражения. Пентесилея увидела его в окружении десятка египетских воинов. Троянец лежал на спине – копьё все так же вертикально торчало из его груди. Рядом, на коленях, склонившись к нему, стоял Яхмес. Лицо героя было серым от боли, но глаза открыты и хриплое дыхание срывалось с губ – он был жив.

– Ахилл, Ахилл! – крикнула Пентесилея, бросаясь к нему и тоже падая на колени. – Ахилл, я убила Антифота!

Он сделал над собою страшное усилие и улыбнулся.

– Этот пес говорил, что нет мужчины, который бы убил его... Вытащи копьё, Пентесилея.

– В сердце? – резко спросила она.

– Нет. Рядом. Мне повезло. Вытащи его, ну... У остальных не такая твердая рука, а у меня не хватит сил.

Она рассекла секирой нагрудник мужа, вынула из пояса и положила себе на колени полосу ткани. Затем, взявшись за древко, могучим рывком извлекла копьё из раны. Кровь, до того стекавшая густыми каплями, теперь хлынула струей, но амазонка быстро зажала рану тканью. Потом, приподняв Ахилла, плотно обмотала его грудь и, сняв с себя пояс, закрепила повязку.

– Мы отнесем его в лагерь, и лекари обработают рану! – воскликнул Яхмес. Его губы дрожали, голос срывался, он готов был расплакаться.

– Где Гектор? – глухо спросил Ахилл, очнувшись после мгновенного обморока.

– Там, в центре битвы.

– Он в опасности, Пентесилея... Прошу, помоги ему...

Она сжала рукой его мокрую от пота и крови ладонь.

– Ты продержишься, Ахилл?

– Да, да... Попади оно в сердце, я был бы уже мертв. Ну, родная моя, иди! Прошу тебя! Амазонка поцеловала бледные губы мужа и, вскочив, крикнула египтянам:

– Берегите его!

Вскоре она уже была рядом с Гектором, который отбивался от нескольких десятков наседающих на него врагов. Секира Пентесилеи сверкнула рядом с царем, свалив лестригона, который метил в героя копьём.

– Ахилл жив! – выдохнула амазонка. – Его рана не смертельна. Антифот убит.

– Хвала Великому и Единственному Богу! – прохрипел Гектор, не поворачивая окровавленного лица, лишь мельком глянув на нее. – Мы почти победили, Пентесилея. Надо выстоять!

– Мы добьем их! – амазонка снова ударила и ринулась за отступившим от нее раненым лестригоном. – Куда, отродье демона?! Струсил?! Они уже дрогнули! Лестригоны дрогнули! Держись, Гектор, слышишь!

Последние слова она прокричала во весь голос, и услышал их не только царь Трои.

Занятые битвой, они не обращали внимания ни на что, кроме поля боя. Между тем из-за мыса уже некоторое время назад показались два корабля. Они шли на веслах, свернув паруса. Казалось, гребцы раздумывали, приставать ли им к берегу, на котором кипела страшная битва. Высокий человек в боевых доспехах, стоявший на носу одного из кораблей, из-под руки напряженно всматривался, пытаясь понять, что происходит.

Некоторые из сражающихся краем глаза заметили эти корабли. Увидел их со своей колесницы и Рамзес. В недоумении он понял, что это чужие суда, явно не египетские и совершенно точно не финикийские – об этом говорила форма их носа и кормы, расположение мачт. Однако они были и не лестригонские – в чем фараон, впрочем, не сомневался.

«Похоже, это данайцы! – подумал Рамзес. – Что им тут может быть нужно, и как они смеют приставать в непопущенном месте? А они вроде бы хотят пристать... Фу, какие глупости лезут в голову! Разве сейчас до этого!»

Между тем крик Пентесилеи, долетевший до идущих вдоль берега кораблей, решил дело. Высокий человек, очевидно, предводитель мореплавателей, обернулся к своим гребцам и закричал могучим голосом, так, чтобы слышали и на втором корабле:

– Я слышал имя Гектора! Он в сражении, и его враги – подлые лестригоны, от которых стонут все народы моря. За мной! Скорее!

В считанные мгновения оба корабля врезались носами в песок, и гребцы, моментально облачившись в доспехи и взяв оружие, превратились в воинов. Соскочив в воду, они кинулись к берегу, собираясь вступить в сражение. Приказ их начальника не оставлял сомнений, что они будут драться на стороне египтян, и что грозная слава могучих лестригонов не пугает их. Это были сильные, крепкие мужчины, вооруженные копьями и мечами, чей решительный вид говорил о немалой отваге.

Гектор увидел их, когда они пошли в наступление, и понял, что это пришла помощь, помощь, которая была сейчас так нужна. Только откуда взялись эти люди? Кто они?... Пользуясь тем, что враги слегка отступили, в который раз пытаясь заставить его совершить ошибку – сойти с колесницы, герой повернулся и посмотрел на неожиданных союзников. И подумал, что сходит с ума: впереди, размахивая огромным мечом, бежал... Ахилл! Тот Ахилл, какого когда-то он видел под стенами осажденной Трои – в тех самых доспехах, с львиными мордами на могучем нагруднике и на щите, в высоком, сверкающем шлеме со светлой гривой. Юный, стремительный, гневный и прекрасный, как всегда.

В следующее мгновение царь Трои понял свою ошибку: не было главного: того страшного взгляда из-под дуги шлема. Взгляда, который вызывал ужас у самых отважных, а менее храбрых валил мертвыми, взгляда, в котором виднелась нечеловеческая, неодолимая и беспощадная сила Ахилла. Сила, с которой нельзя справиться... Взор воина был грозным, но он не убивал и не обращал в бегство. Этот человек походил на Ахилла, и на нем были его доспехи, те самые, что он видел под Троей, но это был не Ахилл.

Гектор не успел до конца понять, кого видит перед собой, у него не осталось на это времени. Он продолжал биться, биться из последних сил. Его снова ранили, на этот раз в бок – рана причиняла сильную боль, а главное не было возможности перевязать ее и остановить обильное кровотечение. Шерданы пробились к своему командующему и дрались с ним рядом, однако их силы тоже были на пределе.

Вмешательство неведомых союзников оказалось своевременным. Сто двадцать могучих воинов, со свежими силами ринувшихся в бой и напавших на лестригонов со спины, смяли их ряды. Завоеватели дрогнули окончательно, часть их попыталась прорваться к заливу, чтобы добраться до двух уцелевших кораблей. Но Пентесилея с несколькими десятками воинов-шерданов не подпустили врагов к берегу.

Исход битвы был решен. Молодой военачальник в сверкающих доспехах бился с большим искусством, так умело, так ловко, словно делал это ежедневно. Каждый удар его меча нес смерть, и вот уже ряды его воинов сомкнулись с рядами наступавших египтян. Остатки лестригонов были окружены. Они не сдавались, сопротивляясь, погибая один за другим, но им никто и не предлагал сдаться. Возможно, Гектор оставил бы в живых последних побежденных, но на этот раз его великодушие и здравый смысл уступили ярости – он еще не знал, выживет ли его брат после полученной страшной раны, а потому щадить врагов, совершивших столько подлостей, нарушивших все договоры, царь Трои не мог.

Еще немного – и все было кончено.

Когда грохот мечей и щитов, рев сотен глоток, топот ног вдруг умолкли, Гектор огляделся и понял: это победа. Страшная победа: из трехтысячного войска египтян в живых осталось около семисот человек и среди них мало кто не был ранен.

Троянский царь посмотрел на солнце и с изумлением понял, что битва продолжалась чуть больше часа...

Глава 12

– Ты – величайший полководец Ойкумены! Только ты мог это сделать! Только ты!

Это было первое, что Гектор расслышал, когда ослабел звон в ушах и небо с землей, странным образом кружившиеся вокруг него в сумасшедшей пляске, вновь заняли свои места. Он осознал, что стоит, прислонившись спиной к своей колеснице, у ног лежит измятый и пробитый в нескольких местах нагрудник (когда он успел снять его?), а возница-египтянин старательно заклеивает рану на боку военачальника второй подряд полосой медового пластыря, через которую снова упрямо проступает кровь.

– Ты спас Египет, спас мое царство! Дух великого Гора в твоей душе!

Рамзес соскочил со своей повозки, стремглав подлетевшей к повозке Гектора, схватил героя за плечи и встряхнул, будто мальчик, заливаясь смехом.

– Это не я спас твое царство, – глухо проговорил Гектор. – Если уж так, то Ахилл это сделал. И твои воины не дрогнули. Да еще ахейцы очень помогли. Если только они ахейцы...

– Кто? – не понял Рамзес.

– Вы зовете их данайцами. Вон, как им рады твои люди!

В это время воины-шерданы с возгласами ликования обнимались с так неожиданно оказавшими им помощь мореплавателями. Многие бойцы Антассы, бывшие морские разбойники, происходили из народов моря – этруски, тавры, киликийцы, и здесь, в Египте, чувствовали родство с этими пришельцами из далеких земель. Гектор, сумев, наконец вслушаться в бессвязный хор голосов, понял, что приезжие говорят на языке, очень близком к критскому наречию, скорее всего, на одном из его диалектов.

Царь Трои огляделся, ища глазами предводителя. И увидел, как тот, отдав своим людям несколько коротких приказаний, сам направился прямо к нему. Не доходя двадцати-двадцати пяти шагов, он остановился, вертикально воткнул в землю свой меч, который так и не успел вложить в ножны, затем, расстегнув ремешок шлема, снял его. Лицо, совсем юное, окруженное густым облаком темно-каштановых волос, было обветрено и покрыто густым загаром. Карие глаза смотрели прямо, спокойно. Юноша очень походил на Ахилла, но это уже не поразило Гектора. Он знал теперь, кого видит перед собой, и не удивился словам, которые молодой воин произнес, оказавшись перед ним.

– Здравствуй, царь Гектор! – он говорил, может быть, чуть поспешно, но твердо. – Я Неоптолем, царь Эпира, сын великого Ахилла. Это я убил пять лет назад твоего отца, царя Приама.

– Я знаю, – сказал Гектор, так же твердо отвечая на прямой взгляд юноши. И ничего не сказал больше.

– Это был самый страшный и самый отвратительный поступок за всю мою жизнь, – продолжал Неоптолем, переведя дыхание. – Он был совершен в затмении, но это меня не оправдывает. Этому никогда не будет искупления. Ты вправе желать моей смерти. Но сперва выслушай меня.

Гектор так же молча, со все возрастающим изумлением смотрел на юношу, и тот, не прерываясь, заговорил дальше:

– В ту ночь, когда пала Троя, я захватил как боевую добычу твоих жену и сына. Я увез их в Эпир. Еще в дороге мне хотелось овладеть Андромахой, однако я понял, что не хочу и не могу причинить ей зло... Я полюбил ее, Гектор. Многие данайские цари грозили мне войной, но я решил на ней жениться и сделать Астианакса своим наследником. Она согласилась, поняв, что иначе ее сын погибнет. В день сочетания, прямо в храме, у алтаря, спартанцы чуть не убили меня. Я выжил чудом. А выздоровев, понял, что не могу по-настоящему стать мужем Андромахи, потому что она не любит меня! Она продолжала любить тебя, хотя какое-

то время верила в твою смерть. Я так и не прикоснулся к ней, клянусь в этом всеми богами, памятью моего отца, который был тебе другом – я узнал это уже после... после гибели Трои. Царица Микен Электра рассказала нам, что ты, возможно, жив, что принял участие в эфипском восстании. И я поехал искать тебя и потратил год, чтобы найти.

– Зачем?! – воскликнул Гектор, уже не скрывая изумления.

– Затем, чтобы сказать: твоя жена ждет тебя! Можешь поехать за нею в любое время. – Она чиста перед тобой – к ней не прикоснулся ни один другой мужчина.

Горячий комок вдруг встал у Гектора в горле. Снова стало звенеть в ушах, и герой удивился, что так твердо держится на ногах.

– Ты ненавидишь меня? – тихо спросил он.

– За что?! – теперь изумление было во взгляде и в голосе Неоптолема.

– За то, что я остался жив. Тогда, в Трое, и теперь здесь.

Юноша вдруг странно, беспомощно улыбнулся.

– Это была самая большая боль. Когда мне сказали, когда я понял, что не имею права...

Но я и прежде не имел права, просто пытался себя обмануть! За этот год странствий я понял, что хочу тебя найти. И радуюсь, что нашел. Потому что не могу видеть Андромаху несчастной!

На миг он опустил голову, потом опять посмотрел в глаза Гектору.

– Если хочешь, отомсти мне за смерть отца. Я не посмею поднять на тебя оружие.

Гектор вдруг рассмеялся и тут же закашлялся – во рту еще было полно песка и крови. Он с трудом перевел дыхание:

– Даже если бы мне пришла в голову эта безумная мысль – после того как ты помог нам в сражении, сохранив, по крайней мере, половину жизней всех этих воинов и, возможно, мою... После того как ты еще раньше спас моих жену и сына – ведь ты спас их, это несомненно. Во всяком случае, Астианакса ахейцы точно убили бы! И даже если бы после этого мне пришлось в голову тебе мстить, я бы все равно не смог этого сделать. И царь Приам не обрадовался бы этому. Ты – мой племянник, ты – его родной внук, Неоптолем.

В первое мгновение юноша, казалось, не уловил смысла этих слов. Он пожал плечами, как человек, уверенный, что чего-то не понял, и смущенный своей непонятливостью. Но тут же до него дошло, что слова Гектора могли означать только то, что они действительно означали. Лицо Неоптолема мгновенно залила краска и тут же, как по волшебству, отхлынула.

– Как ты сказал? – спросил он тихо.

Гектор вспомнил, что было с Ахиллом, когда Нестор раскрыл правду о его рождении. Для Неоптолема это мгновение станет, пожалуй, пострашнее...

– Я понимаю, мои слова звучат невероятно, – твердо проговорил царь Трои, – но только это так. Твой отец не был сыном царя Пелея. Когда-то Пелей подобрал его колыбель, унесенную в море. Это было у берегов Трояды. Царь Фтии объявил найденныша своим сыном, и из-за этого великий Ахилл двенадцать лет воевал со своими братьями! Уже после гибели Трои открылась правда: твой отец – родной сын Приама и Гекубы, мой брат.

– Кто... – Неоптолем задохнулся, и его голос сорвался на хрип. – Кто такое сказал?!

– Нестор, друг Пелея. Он знал всю правду. А еще раньше Парис, который был изначально повинен в войне и во всех наших бедах, умирая, признался, что он на самом деле не царевич, а самозванец. Не Париса, а Ахилла родила тридцать один год назад царица Гекуба. Как и было предсказано, он стал самым могучим, самым знаменитым и самым бесстрашным из ее сыновей.

– Зевс-громовец! Я не верю, я не могу... – в эти мгновения на Неоптолема страшно было смотреть. – Вижу, что ты не лжешь, Гектор, но лучше бы ты лгал! Можешь поклясться?

– Клянусь памятью отца, жизнью моей матери, душами жены и сына! – спокойно произнес Гектор. – Клянусь моим мечом, на котором еще не высохла кровь врагов, и всей моей жизнью.

Когда Гектор произнес слова клятвы, юноша пошатнулся.

– Если это так... если так, то я проклят навеки! Я не просто убил семидесятилетнего старика, я убил своего деда!

– Но ты же этого не знал, – напомнил Гектор.

– Да, не знал, но это ничего не исправляет! – пылко воскликнул Неоптолем, и тут же ахнул, пораженный новой мыслью: – А мой отец?! Ты говоришь, правда открылась уже после падения Трои. Значит, он умер, так и не узнав, кто он?!

Юноша проговорил это едва ли не с еще большим отчаянием, и Гектор понял, с какой силой он любит Ахилла, которого никогда не видел и не знал. Решившись, царь Трои шагнул вперед и опустил руку на плечо племянника.

– Неоптолем! Да... Твой отец умер, не узнав правды, но он не совсем умер, то есть не навсегда. Его оживило одно удивительное средство, которое знает народ амазонок. Именно он спас меня из-под развалин «зала титанов» в павшей Трое. Он совершил потом еще много подвигов. И эту битву, по сути, тоже выиграл Ахилл!

– Он жив? – выдохнул юноша. – Он здесь?!

– Да. Но он получил в битве очень тяжелые раны, и, возможно, его жизнь еще в опасности. Сейчас я отведу тебя к нему.

– Не надо. Я уже здесь, и нет никакой опасности, Гектор.

Ахилл стоял немного позади колесницы Гектора, левой рукой опираясь на плечо Пентесилеи. Он был без доспехов, в окровавленной и грязной набедренной повязке. Правое плечо скрывал лубок, рука была подвязана к шее, наискосок через грудь тянулись ленты бинтов с проступающими на них пятнами крови. Лицо героя было желтое пергамента – лишь сила воли, да еще снадобья египетских лекарей помогали ему держаться на ногах.

– В лагерь прибежал египтянин и сказал, что в битву вмешались воины-чужеземцы и что их вожак очень похож на меня, – тем же, негромким голосом проговорил Ахилл. – Я понял, кто это может быть, и пришел. А вернее сказать, Пентесилея притащила меня на себе. Ну, здравствуй, Неоптолем!

На этот раз фараон, все это время напряженно следивший за разговором Гектора с юным ахейцем, и его воины, плотно их обступившие, поняли все сказанное, хотя и не знали языка. У многих вырвались восторженные крики, а Рамзес поднял руки к небу, вознося благодарность богам.

Что до Неоптолема, то он сделал несколько неверных шагов к Ахиллу, еще не до конца веря, что этот раненый богатырь, такой прекрасный и такой невероятно молодой, и вправду его великий отец. Потом юноша понял, что не бредит и не видит сон.

– Отец! – он протянул руки, но понял, что они задрожат, и тут же их опустил. – Отец, прости меня!

– Это ты меня прости, – ответил Ахилл. – Во всем, что с тобой случилось, виноват только я один. На мне куда больше крови и зла. Давай постараемся все это искупить. Если сможем. Ну, подойди, обнимемся наконец, а? Только учти: справа у меня сломана ключица, а слева мою грудь проткнули копьем. Так что не слишком дави. Ты ведь страшно сильный, раз таскаешь мои доспехи...

Общий шум вокруг нарастал, египтяне и чужеземцы толпой обступали героев, кричали, приветствуя их. Громче всех вопили мирмидонцы, иные из которых видели Ахилла прежде и помнили его. Им было совершенно неважно, каким таким образом он умудрился воскреснуть, они были счастливы, что он жив. Герой махнул им левой рукой, которой тоже

двигал с трудом, подавляя боль, улыбнулся, затем, не совладав с собою, что есть силы прижал к груди сына и понял, что земля уходит у него из-под ног.

– Держи меня! – шепнул он Пентесилее и улыбнулся брату, который, заметив, как он пошатнулся, рванулся к нему: – А тебе, Гектор, надо думать, как самому не упасть – ты выглядишь чуть лучше моего... Но все же мы оба выглядим много лучше лестригонов.

* * *

– Итак, – торжественно проговорил Александр Георгиевич, совершив ритуальный круг с заварным чайником и поровну влив янтарную заварку в три чашки своих бывших студентов, – итак, я вчера полностью закончил переводить и, надеюсь, вы все, прочитав роман до конца, можете мне своими советами. Кое-что нужно исправить, кое-что дополнить.

– Что тут еще дополнять?! – изумилась Аня. – Тут и так столько событий, что голова идет кругом!

– По мне, так это – не обижайтесь, Александр Георгиевич, даже интереснее самих греческих мифов, – признался Виктор. – Даже как-то и не вспоминаются прежние сюжеты. А то я вначале думал, что во второй книге будет что-то из «Одиссеи»...

Каверин посмотрел на Сандлера и улыбнулся:

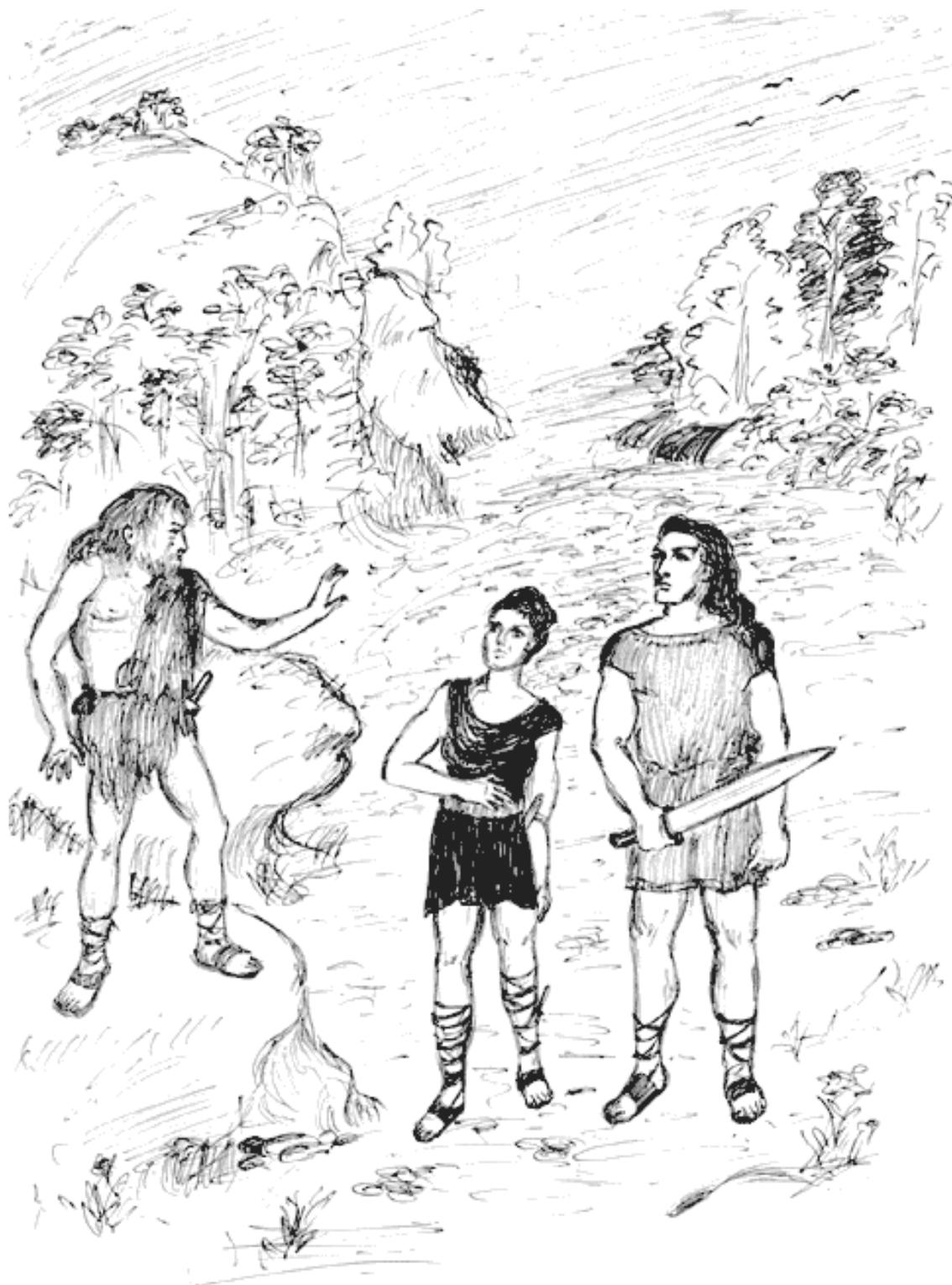
– Ты был очень хорошим студентом, Витя. И главное, с чем у тебя всегда было хорошо, так это с интуицией. Помню, этим отличались твои ответы. И прочитать не прочитаешь, но сам поймешь, почувствуешь, чем там должно кончиться, и как должны дальше развиваться события.

– Но тут-то я не угадал!

Профессор долил в чашки кипятку и уселся в свое кресло.

– Сегодня я хочу по старой памяти почитать вам вслух. И мы вместе посмотрим, что там угадалось, что нет... Одна из самых, на мой взгляд интересных частей романа еще впереди. А коль скоро вы приехали с утра, то я, может, успею прочитать вам и две части...

Часть. Последний остров

Глава 1

Шторм усиливался. Ветер, будто исполнившись ненависти к волнам, налетал на них уже не порывами, но давил стеною, при бешеной скорости и силе обретшей почти осязаемую плотность. У волн теперь не оставалось времени, чтобы откатываться назад и затем вздыматься снова – они неслись, спасаясь от лавины ветра, также обратившись в лавину – в единое, гигантское, мчащееся все вперед и вперед тело. Масса воды обрела железно-серый цвет, и белые вспышки пены, то и дело возникающие на высоченных гребнях, делали этот цвет еще гуще, еще мрачнее.

Казалось, ничто не сдержит эту массу в ее движении. Но вечные соперники волн, скалы с обычным своим равнодушием ожидали их ударов. Каждый набег ревущей клокочущей оравы волн невидимо разрушал камень, вырывая его частицы, вытачивая в нем впадины и провалы, однако сотни и сотни лет нужны были морю, чтобы отнять у скал хотя бы пол-локтя пространства, и мириады волн рождались и умирали за это время, видя скалы прежними, все такими же несокрушимыми, неподвижными, твердо и неколебимо встречающими их безумный и бесполезный натиск.

Берег был высок, и даже самые громадные морские валы, расшибаясь о красновато-желтую массу утесов, не доставали жадными брызгами их вершины. А потому среди ребристых уступов этих вершин безбоязненно росли низкие кудрявые сосенки и цепкий шиповник, а во впадинах и щелях гнездились ласточки и голуби, уступая иные утесы чайкам, которых здесь тоже было великое множество, и которые лишь при наступлении настоящей бури попрятались, чувствуя, что ветер вот-вот расшибет их с лета о камни. До этого они носились над вздыбленными волнами, ловя на лету подхваченных пеной рыбок, и кричали, нарушая своими резкими криками монолитный рев шторма. Когда они исчезли, к грохоту расшибающихся о скалы валов не добавлялось более никаких звуков, лишь изредка вопль морского орла¹³ прорывался сквозь него, точно крик утопающего, и снова море и скалы вели свой грозный спор вдвоем.

Среди верхних уступов одного из утесов, в небольшой впадине, прислонившись спиной к покрытому тонкой пеленой мха камню, сидел человек. Крохотный костерок, разожженный им на рассвете в небольшой ямке, давно догорел, и сейчас он аккуратно засыпал мелкими камешками и клочками мха темное пятно золы, в которую зарыл скорлупки голубиных яиц – он испек в горячей золе около десятка этих яиц и уже съел их, лишь отчасти утолив голод. Вот уже третий день, кроме яиц, ему ничего не доставалось – буря бушевала давно и не было возможности спуститься к морю и наловить рыбы или хотя бы набрать ракушек.

Человек не боялся рева моря – он хорошо знал, что туда, где он укрылся, волны не достанут. Не достанут здесь и люди, и это устраивало его еще больше...

Если бы кто-то мог увидеть этого человека среди желтоватых скал и вцепившихся в их ребра тощих сосен, то счел бы его здешним, родившимся в этих диких местах – так дик был его вид.

То был мужчина лет сорока, высокий и поджарый – его природная гибкость стала еще виднее благодаря сильной худобе и густому загару, покрывавшему тело сплошь, потому что он был почти нагим. Единственной его одеждой было подобие плаща, сделанного из двух козьих шкур и в жаркие дни спасавшего спину от ожогов. Сейчас этот плащ, превратившийся за пару лет в клочковатые лохмотья, висел на левом плече, подхваченный в талии сыромятным ремнем. При таком наряде довольно странно выглядели самые настоящие, когда-то прочные и даже красивые сандалии, от которых теперь оставались только сильно разбитые

¹³ «Морским орлом» здесь, очевидно, называется альбатрос.

подошвы да остатки прежде высокой шнуровки – каждый ремешок был связан из обрывков и кусочков. На сыромятном поясе висели нож в самодельных ножнах и мешочек, в котором, судя по небольшим размерам, могло быть огниво.

Лицо человека, такое же черное от загара, было тоже худым, от природы тонким и немного резким, но достаточно правильным. Морщины, перерезавшие лоб, и жесткие складки возле губ делали его старше, а нечесанные и грязные, грубо подрезанные ножом волосы и борода, когда-то светло-каштановые, а теперь выгоревшие на солнце и серые от пыли, создавали бы ощущение безумия и одичания, если бы не спокойный, острый, полный воли и силы взгляд серых умных глаз.

Человек смотрел на море. Он не любовался стихией, хотя обычно любил это делать – ревуший шторм часто был в союзе с бурей, сокрушавшей его душу, хотя он ничем и не выдавал ее. Однако сейчас его напряженный взгляд был устремлен на два темных силуэта, мелькавших между волнами. То были корабли. Буря застала их в открытом море, но сила шторма была такова, что кормчим и гребцам не удавалось управлять движением, и волны неумолимо несли оба судна к скалам, которых из-за штормовой мглы мореплаватели могли издали и не заметить. Впрочем, они не сдавались, стараясь направить корабли вдоль прибоя, чтобы пройти мимо берега и снова оказаться в открытом море. Одному из кораблей это уже почти удалось – он шел, сильно кренясь, то и дело взлетая на гребни водяных гор, но с каждым взлетом отвоевывая небольшое расстояние. Второй тоже готов был отдалиться от опасных утесов, но на его пути была невысокая скалистая гряда, лишь чуть выступавшая из воды, и, возможно, кормчий не видел ее – корабль шел прямо на рифы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.